ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ

(1772—1839)

Время для полной біографіи и подробной оцѣнки заслугъ графа Сперанскаго еще не наступило. Дѣянія славнаго государственнаго мужа слишкомъ еще близки отъ насъ, личныя его отношенія еще не могутъ быть вполнѣ разъяснены по многимъ соображеніямъ, матеріялы для точнаго его жизнеописанія, по большей части, недоступны для біографовъ. Между тѣмъ, въ разное время были напечатаны нѣкоторыя свѣдѣнія о служебной дѣятельности и частной жизни Сперанскаго; свѣдѣнія эти составляли иногда особыя небольшія біографическія статьи, или являлись какъ отрывочныя указанія, или наконецъ входили какъ эпизоды въ изслѣдованія о другихъ лицахъ и предметахъ. Кромѣ того въ журналахъ нашихъ, особенно въ *Москвитянинѣ*, помѣщены были отрывки изъ неизданныхъ сочиненій и писемъ Сперанскаго. Въ необнародыванныхъ у насъ до сихъ поръ документахъ, принадлежащихъ его перу, или писанныхъ другими достовѣрными лицами, заключается не мало такихъ подробностей, которыя теперь, черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти, могутъ уже явиться въ печати, также какъ и нѣкоторые изъ словесныхъ разказовъ тѣхъ изъ его современниковъ, которые, по общественному и личному своему характеру, заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Чуждые всякаго притязанія на составленіе настоящей біографіи покойнаго графа, мы смѣемъ однако думать, что представляемый нами публикѣ очеркъ будетъ не безполезенъ, какъ полнѣйшее до сихъ поръ собраніе извѣстій, до него относящихся, извлеченныхъ изъ матеріяловъ печатныхъ и рукописныхъ, а также изъ достовѣрныхъ изустныхъ преданій. Въ спорныхъ пунктахъ мы старались извлекать факты наиболѣе вѣроятные и пользовались, по возможности, послѣдними, доказанными результатами сдѣланныхъ разысканій. Въ этомъ отношеніи, мы болѣе всего обязаны драгоцѣнной для біографа статьѣ барона М. А. Корфа: *О воспоминаніяхъ г. Булгарина, касательно графа М. М. Сперанскаго* (1). Въ статьѣ этой заключается множество фактовъ, указанныхъ съ строжайшею точностію и опредѣленныхъ при помощи критическаго разбора рѣдкихъ и любопытныхъ матеріяловъ, имѣвшихся у автора, и личныхъ его воспоминаній. Судя по статьѣ барона Корфа, остается только желать, чтобы почтенный авторъ ближе познакомилъ русскую публику съ дѣятельностію и личностію Сперанскаго, котораго такъ хорошо могъ узнать по своимъ отношеніямъ къ нему. Въ ожиданіи такого капитальнаго сочиненія, читатели благоволятъ удовольствоваться очерками въ родѣ того, который теперь имъ предлагается. Повторяемъ: мы имѣли въ виду только дать имъ возможность, не роясь въ десяткахъ книгъ, прочесть собраніе всѣхъ извѣстныхъ намъ свѣдѣній о Сперанскомъ, дополненное, на сколько это позволяютъ разныя соображенія, подробностями, не всякому доступными. Мы знаемъ, что мы не избѣжали ошибокъ; но онѣ вызовутъ поясненія, дополненія и поправки, и это уже одно останется не безъ пользы.

I.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, Владимірской губерніи, Покровской округи, въ селѣ Черкутинѣ, жилъ священникъ Богородицкой церкви Василій Михайловичъ. Сынъ его Михаилъ Васильевичъ былъ дьякономъ Николаевской церкви въ томъ же селѣ, и въ 1771 году былъ посвященъ въ санъ іерея при

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144, стр. 575.

той же церкви. Въ первый день новаго 1772 года, Богъ далъ николаевскому священнику сына Михаила. Этотъ новорожденный былъ тотъ, кому суждено было, при одной помощи Богомъ данныхъ ему дарованій, быстро достигнуть высшихъ государственныхъ степеней, выйдти побѣдителемъ изъ жестокой борьбы съ невзгодами міра и умереть, завѣщавши исторіи свое славное имя. Это былъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій (1).

Первые годы жизни Сперанскаго составляютъ, какъ часто бываетъ, почти совершенный пробѣлъ въ біографіи его. Какъ ни прискорбенъ для насъ такой недостатокъ подробностей о дѣтствѣ и отрочествѣ его, мы должны ограничиться краткими свѣдѣніями, сообщенными барономъ Корфомъ и товарищемъ Сперанскаго по ученію, г. Вигилянскимъ. Свѣдѣнія эти относятся уже къ тому времени, когда Сперанскій поступилъ въ суздальскую семинарію. Можно полагать, что онъ поступилъ въ это заведеніе, имѣя лѣтъ около девяти отъ роду. Вскорѣ послѣ опредѣленія его въ школу *инфиму* (низшее отдѣленіе семинаріи), именно въ 1782 году, по спискамъ онъ значился уже подъ именемъ Михайлы *Сперанскаго*. Должно предполагать, что онъ названъ былъ такъ по *надеждамъ*, которыя подавалъ своими способностями и охотой къ ученію, и что фамилія эта была дана ему, по обыкновенію, тогдашнимъ епископомъ Іеронимомъ (2).

Г. Вигилянскій, товарищъ Сперанскаго, говоритъ, что онъ былъ силенъ физически, рѣзвъ, быстръ и задоренъ; послѣднее приписывали въ школѣ его рыжеватости; иногда онъ нарочно поддавался своимъ товарищамъ, но вдругъ, бывало, встрепенется, да *всѣхъ и положитъ*. По ученію онъ всегда былъ пер-

(1) Свѣдѣнія о времени рожденія и о происхожденіи Сперанскаго взяты нами изъ указаній въ статьѣ барона Корфа. До нея годъ рожденія Сперанскаго опредѣлялся разно, а семейству его давали разныя фамиліи: Надеждинъ, Уткинъ и чаще всего Грамотинъ, между тѣмъ какъ ни дѣдъ, ни отецъ его не имѣли особыхъ прозваній. М. П. Погодинъ (*Москвит.* 1848, № 8, стр. 36) приводитъ свидѣтельство Г. И. Спасскаго, что отецъ Сперанскаго былъ высокъ ростомъ и толстъ, почему черкутинскіе крестьяне дали ему, по народному обыкновенію, прозвище; его звали: Михайло *Ометь;* онъ умеръ въ 1801 году. Мать Сперанскаго жила до 1824 года, и портретъ ея, въ скромномъ одѣяніи сельской попадьи, всегда занималъ видное мѣсто въ его кабинетѣ. Сестра его, жена протоіерея, была жива еще въ 1848 году. Кромѣ того, у него былъ братъ, умершій гораздо ранѣе. (Тамъ же.)

(2) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

вымъ и учился отлично безъ большаго труда, благодаря своимъ прекраснымъ способностямъ (1). Отличные успѣхи его открыли ему доступъ въ другое, высшее заведеніе, изъ котораго онъ могъ выйдти на иное поприще, обширнѣйшее чѣмъ то, къ которому онъ, повидимому, долженъ былъ готовиться.

Вслѣдствіе высочайшаго рескрипта, 6 мая 1788 года, на имя митрополита Гавріила, въ замѣнъ санктпетербургской и новгородской семинарій, была учреждена Александроневская главная семинарія въ С.-Петербургѣ. Цѣль этого новаго учрежденія (преобразованнаго, по высочайшему указу 18 декабря 1797 года, въ духовную академію) была объяснена другимъ рескриптомъ отъ 10 мая и опредѣленіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, отъ 21 іюля того же 1788 года, гдѣ именно предписывается: въ главную семинарію присылать учениковъ и изъ другихъ епархій, «надежнѣйшихъ въ благонравіи, поведеніи и ученіи, и лучшаго передъ другими понятія», для образованія ихъ къ учительской въ высшихъ классахъ должности (2).

Вскорѣ послѣ учрежденія главной семинаріи, Сперанскій былъ назначенъ для поступленія въ нее, вмѣстѣ съ другими учениками суздальской семинаріи: Вышеславскимъ и Шиповскимъ, въ послѣдствіи переводчикомъ *Нумы Помпилія* Флоріана (3). Это было въ концѣ 1789 года. Мы не имѣемъ извѣстій о путешествіи Сперанскаго изъ Владиміра въ Петербургъ. Особенно было бы любопытно знать впечатлѣнія и провожденіе времени его въ Москвѣ. Былъ ли онъ въ университетѣ, какъ другой сверстникъ его Мартыновъ (4), ѣхавшій въ ту же главную семинарію изъ Полтавы? Успѣлъ ли онъ узнать кого-нибудь изъ молодыхъ людей, занимавшихся тамъ науками и литературой, подъ покровительствомъ Новикова и его Общества, тогда еще не совсѣмъ разстроеннаго? Молодой Карамзинъ былъ тогда въ Швейцаріи, но другихъ Сперанскій могъ видѣть.

Сперанскій пріѣхалъ въ Петербургъ, и поступилъ въ главную семинарію въ январѣ 1790 года (5). Изъ поступившихъ

(1) *Москвит.* 1848, № 8, стр. 37.
(2) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(3) *Москвит.* 1848, № 8, стр. 37. У Сопикова ч. IV, № 8690.
(4) *Современникъ*, 1856, № III, отд. 2, стр. 7, статья Е. Я. Колбасина.
(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

туда вмѣстѣ съ нимъ студентовъ мы знаемъ: Вышеславскаго и Шиповскаго, о которыхъ сейчасъ говорили; Петра Андреевича Словцова и Ивана Ивановича Мартынова. Словцовъ былъ Сибирякъ, присланный изъ тобольской семинаріи (1). Мартыновъ пріѣхалъ изъ Полтавы (2). Сверстникомъ ихъ былъ также Ѳеодоръ Ивановичъ Русановъ, въ послѣдствіи экзархъ Грузіи Ѳеофилактъ, замѣчательный не какъ проповѣдникъ, но какъ администраторъ (3). Кромѣ того, изъ Полтавы прибыли съ Мартыновымъ: Котляревскій, Илличевскій и Стефановскій (4). Всѣхъ пріѣхавшихъ изъ разныхъ семинарій студентовъ было тогда болѣе тридцати (5).

Мы знаемъ, что Сперанскій сохранилъ во всю свою жизнь чувство дружбы къ Словцову, съ которымъ нерѣдко переписывался. Отношенія его къ Мартынову также оставались всегда самыми пріязненными. Но при первомъ знакомствѣ его съ Сперанскимъ между ними царствовала какая-то холодность. Причиной тому было то, что Сперанскій уже въ то время пользовался между сверстниками значительнымъ авторитетомъ, который пугалъ скромнаго Мартынова и заставлялъ его чуждаться блестящаго, увѣреннаго въ себѣ Сперанскаго. Это недоразумѣніе было очень продолжительно. Наконецъ Сперанскій рѣшился выразить Мартынову свое удивленіе о томъ, что онъ такъ обѣгаетъ его, любимаго всѣми прочими товарищами. Мартыновъ былъ

(1) Дѣйствительный статскій совѣтникъ П. А. Словцовъ род. 1767 года, ум. 28 марта 1843. Извѣстія о немъ см. въ *Москвитянинѣ* 1844 года, № 10, стр. 385, и № 11, стр. 220. Въ первомъ сказано, что онъ учился съ Сперанскимъ, былъ потомъ учителемъ въ тобольской семинаріи, а въ 1789 году поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора. Тутъ, очевидно, какая-то ошибка, потому что Сперанскій вступилъ въ главную семинарію только въ 1790 году. Словцовъ служилъ въ Сибири съ 1808 по 1829 годъ и потомъ остался жить въ Тобольскѣ. Онъ писалъ много, преимущественно о Сибири; особенно замѣчательно его *Историческое описаніе Сибири*, 1838 года.
(2) Дѣйствительный статскій совѣтникъ И. И. Мартыновъ, род. 1771, ум. 20 октября 1833. Онъ извѣстенъ какъ журналистъ и переводчикъ греческихъ классиковъ, и былъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ первое время существованія министерства народнаго просвѣщенія.
(3) *Современникъ*, 1856, № 3, отд. 2, стр. 9.
(4) Иванъ Петровичъ Котляревскій, авторъ малороссійской пародіи на Виргиліеву *Энеиду*. Илличевскій успѣшно служилъ по гражданской части. Стефановскій былъ протоіереемъ въ Полтавѣ. Тамъ же, стр. 6.
(5) Тамъ же, стр. 8.

тронутъ этимъ откровеннымъ замѣчаніемъ, доказывавшимъ, что Сперанскій дорожитъ его пріязнію, и съ той же минуты сдѣлался самымъ его горячимъ другомъ и приверженцемъ Сперанскаго (1). Нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій много способствовалъ возвышенію своего школьнаго друга по службѣ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, имѣя уже тогда довольно значительныя связи и сдѣлавшись скоро самъ лицомъ извѣстнымъ въ петербургскомъ офиціяльномъ мірѣ.

Преподаватели, которыхъ пришлось Сперанскому слушать въ главной семинаріи, далеко не всѣ соотвѣтствовали тому, чего отъ нихъ могли требовать въ высшемъ учебномъ заведеніи. Мы имѣемъ свидѣтельство о томъ Мартынова. Онъ говоритъ, что преподаватель философіи былъ большой схоластикъ, что онъ думалъ скрыть свое незнаніе важничаньемъ и латынью. Другой какой-то учитель въ два года былъ въ классѣ разъ десять и отдѣлывался отъ объясненій пошлыми остротами, а преподаватель греческаго языка Жуковъ объявлялъ, что самъ можетъ поучиться у Мартынова, который вскорѣ и заступилъ его мѣсто. Другіе учители были удовлетворительнѣе этихъ (2).

Мы не знаемъ, пользовался ли Сперанскій, подобно Мартынову, публичными лекціями въ академіи наукъ и медицинскомъ институтѣ; тогда читали: математику — Котельниковъ, химію—Соколовъ, зоологію—Озерецковскій, физику—Петровъ, ботанику—Тереховскій. Несмотря на затрудненія поспѣвать и на эти лекціи и на семинарскія, Мартыновъ удосуживался бывать у Соколова на Васильевскомъ острову и у Тереховскаго на Аптекарскомъ (3). Весьма вѣроятно, что и Сперанскій бывалъ на нѣкоторыхъ изъ лекцій этихъ, извѣстныхъ въ свое время, преподавателей.

Кромѣ классныхъ занятій, ученики семинаріи говорили по очереди проповѣди въ разныхъ церквахъ. Когда Мартыновъ въ первый разъ испыталъ себя на этомъ поприщѣ, проповѣдь его, подходившая по тону къ обыкновенному разговору, имѣла большой успѣхъ. Всѣ товарищи вошли въ его комнату и поздравляли его; въ главѣ ихъ былъ Сперанскій, который поцѣловалъ Мартынова въ голову и воздалъ ему справедливую похвалу, очень порадовавшую молодаго проповѣдника (4). Не

(1) *Совр.* 1856 г., № 3, отд. 2, стр. 17.
(2) Тамъ же, стр. 9.
(3) Тамъ же, стр. 10.
(4) Тамъ же.

знаемъ, каковы были опыты въ этомъ родѣ самого Сперанскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій, при поступленіи въ главную семинарію, зналъ уже хорошо греческій и латинскій языки. Въ семинаріи выучился онъ французскому языку по книжному (1). Но отличные успѣхи его въ наукахъ доказываются тѣмъ, что съ 20 мая 1792 года онъ былъ уже въ семинаріи учителемъ математики (2). Въ послѣдствіи, когда Сперанскаго спрашивали однажды, почему онъ предпочелъ эту науку другимъ, онъ отвѣчалъ съ улыбкой: «потому что положительныя истины только въ одной математикѣ» (3). Ему было назначено тогда жалованья 150 рублей въ годъ. Но 19-го августа того же 1792 года онъ сталъ вмѣстѣ съ математикой преподавать физику и краснорѣчіе. Тутъ содержаніе его увеличилось еще 50 рублями. Наконецъ, 8 апрѣля 1795 года, къ прежнимъ его занятіямъ прибавилась еще каѳедра философіи. Тогда сталъ онъ получать самый высшій окладъ, по 275 рублей въ годъ. Того же числа назначенъ былъ двадцатитрехлѣтній Сперанскій префектомъ главной семинаріи, слѣдовательно занялъ должность весьма важную въ заведеніи, которое и въ нравственномъ отношеніи подчинилось вліянію молодаго ученаго.

Памятникомъ профессуры Сперанскаго на каѳедрѣ краснорѣчія осталась изданная уже послѣ его смерти, но написанная въ 1793 году, книга: *Правила высшаго краснорѣчія* (4). Въ ней авторъ, конечно, является сыномъ своего времени, не пролагаетъ новыхъ путей на избранномъ имъ поприщѣ, но многія дѣльныя замѣчанія доказываютъ глубину и ясность его воззрѣній, при которыхъ, и среди общихъ мѣстъ, неизбѣжныхъ въ то время при изложеніи такого предмета, высказывается самостоятельность автора. Языкъ также весьма замѣчателенъ для эпохи, когда преобразованіе его только что было начато Карамзинымъ.

Въ ту же эпоху, нѣсколько позже, именно въ 1795 году, написаны разныя мысли, заключающіяся въ уцѣлѣвшей тетради

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(2) Всѣ свѣдѣнія о ходѣ ученой дѣятельности Сперанскаго въ главной семинаріи извлечены нами изъ статьи барона Корфа, помѣщенной въ *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(3) *Воспоминанія Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 308.
(4) Книга эта напечатана въ С.-Петербургѣ, въ тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. 1844, in-8, стр. 216 и 8.

подъ заглавіемъ *Досуги* (1) и, вѣроятно, отрывокъ *О силѣ, основѣ и естествѣ* (2). Отрывки эти извлеченія изъ размышленій Сперанскаго, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе бросать на бумагу въ свободное время.

Досуги заключаютъ въ себѣ нѣсколько замѣтокъ на французскомъ языкѣ. Въ томъ числѣ есть одинъ, названный *Канвою для сочиненія романа: Отецъ Семейства.* Тутъ двойная интрига: у отца, добраго, но твердаго характеромъ, есть сынъ и дочь; дочь любитъ тайно и безнадежно молодаго человѣка, живущаго въ ихъ домѣ, а сынъ, неукротимый нравомъ и распутный, влюбляется въ какую-то незнакомку и неудачно пытается ее обольстить. Не успѣвши въ этомъ предпріятіи, онъ поселяется въ сосѣдствѣ, скрывая свое имя и прикидываясь ремесленникомъ. Отца огорчаетъ такое поведеніе сына. Съ объясненія между ними должно было начаться изложеніе романа.

Русскіе отрывки *Досуговъ* состоятъ изъ рубрикъ подъ заглавіями: *о времени, о пространствѣ, о порядкѣ, о сложности,* и разныхъ отдѣльныхъ замѣтокъ. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя, чтобы дать читателямъ понятіе о воззрѣніяхъ молодаго Сперанскаго. Вотъ что̀ говоритъ онъ о различіи и сходствѣ добродѣтели врожденной, безсознательной, и добродѣтели разумной (3):

«О сердце! сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? То, что̀ называютъ въ семъ случаѣ сердцемъ, есть нравственное чувство добра и зла, есть природа, есть привычка перваго воспитанія. Сколько темныхъ и непонятныхъ словъ, чтобъ означить одну простую вещь! Когда говорятъ о человѣкѣ, что онъ дѣлаетъ добро по чувству, а не по размышленію, что онъ расположенъ къ добру природой, что онъ имѣетъ доброе сердце, подъ всѣми сими выраженіями что̀ разумѣютъ? Одно и то же: разумѣютъ добраго человѣка безъ началъ, безъ правилъ.

«Къ чему вводить новыя и химерическія способности въ природу человѣка? Разумъ и самолюбіе все изъясняютъ. И сія нѣжная душа, поражающаяся первымъ взглядомъ несчастнаго, и сіе важное размышляющее существо, взвѣшивающее обстоятельства и не прежде рѣшающееся на добродѣтель, какъ измѣривъ ее и приложивъ къ своимъ началамъ, движутся однимъ и

(1) *Сынъ Отечества*, 1844, № 1, стр. 23, и № 2, стр. 46.
(2) *Москвитянинъ*, 1842, № 1, стр. 183.
(3) *Сынъ Отеч.* 1844, № 1, стр. 24.

тѣмъ же разумомъ. Все различіе состоитъ только въ томъ, что правила перваго механическимъ упражненіемъ превращены въ привычку, а правила втораго безпрерывнымъ дѣйствіемъ размышленія сохранили начальный свой видъ. Первый рано началъ дѣлать добро, дѣлалъ его безъ размышленія, привыкъ къ нему, привыкъ быть чувствительнымъ и не примѣтилъ, какимъ образомъ укрѣплялась въ немъ сія привычка; онъ не знаетъ ея рожденія, не знаетъ начальныхъ стихій, изъ коихъ она составилась, и почитаетъ ее особеннымъ свойствомъ, то добротой сердца, то природнымъ расположеніемъ къ добру. Второй, можетъ-быть, столь же часто упражнялъ силы души своей въ добрѣ, сперва слѣпо и безъ познанія ихъ, потомъ съ размышленіемъ; отдѣлилъ чувствованія свои, нашелъ источникъ ихъ въ воображеніи и самолюбіи, открылъ таинственную игру сихъ способностей въ нашихъ впечатлѣніяхъ, подчинилъ ихъ разуму, постановилъ имъ правила, и съ сей минуты началъ дѣлать добро по началамъ. То, что̀ называютъ человѣкомъ чувствительнымъ, есть родъ машины, не понимающей хода собственныхъ колесъ своихъ; но человѣкъ добрый по началамъ не только знаетъ, что̀ онъ чувствуетъ, но знаетъ вмѣстѣ, что онъ долженъ чувствовать такъ, а не иначе, по природѣ своихъ способностей. Тотъ и другой могутъ равно быть добры. Но первый можетъ обмануться въ природѣ своихъ чувствованій, ибо не знаетъ ихъ начала и не умѣетъ повѣрить ихъ истинными отношеніями души его къ предметамъ, а другой можетъ охладить чувствованія размышленіемъ и пропустить важную минуту, въ которую должно дѣйствовать. Видали ли вы двухъ математиковъ, изъ коихъ одинъ дѣлаетъ выкладки по навыку, другой— по правиламъ и размышленію? Вотъ образъ человѣка чувствительнаго и человѣка съ началами. Повторимъ еще: человѣкъ чувствительный есть машина, заведенная воспитаніемъ, идущая по привычкѣ и безъ размышленія о причинахъ, ее движущихъ. Кто знаетъ: тѣ ли пружины напрягаютъ ея дѣйствія, которыя предуставлены къ сему концу, или вмѣсто ихъ дѣйствуютъ другія,—кто это знаетъ? и между тѣмъ *la machine va et l'horloge déraisonne quelque fois publiquement.* Тронуть сердце, возбудить чувство, въ краснорѣчіи значитъ то же, что̀ подвинуть страсти; но страсти основываются на чувствительности и воображеніи, и слѣдовательно на первыхъ привычкахъ воспитанія. Такимъ образомъ, всѣ выраженія сего рода можно привесть къ одному началу.»

Вотъ другой отрывокъ о добродѣтели и счастіи (1):

«Увѣрьтесь, друзья мои, что быть счастливымъ и быть добрымъ есть совершенно одно и то же. Одно только злоупотребленіе словъ раздѣлило два сіи состоянія, по существу и началу своему соединенныя. Еслибъ языкъ образовали философы, блескъ, честь, богатство не носили бы на себѣ прелестнаго имени счастія, но назывались бы просто блескомъ, честію, богатствомъ, вещами средними, изъ коихъ и добро и зло равно можетъ родиться.

«Одно и то же самолюбіе есть началомъ и добродѣтели и счастія. Счастіе въ нашей системѣ міра есть перевѣсъ ощущеній пріятныхъ надъ досадными. Добродѣтель есть тотъ же самый перевѣсъ совершенствъ надъ недостатками. Но пріятное ощущеніе всегда есть слѣдствіе внутренняго сознанія совершенства, и всегда досада предполагаетъ слабость, порокъ, недостатокъ. Раскроемъ нѣсколько сію важную истину.

«Напрасно нравоучители стѣснили добродѣтель въ понятіе однихъ только совершенствъ нравственныхъ.

«Счастіе есть связь пріятныхъ чувствованій, и потому мѣра его не есть минутное ощущеніе удовольствій, но разчетъ всѣхъ чувствованій горестныхъ и пріятныхъ отъ колыбели до гроба.

«Говорятъ, что добродѣтель безъ удачнаго сопряженія обстоятельствъ быть счастливою не можетъ. Но къ чему отдѣляютъ добродѣтель отъ благоразумія, раждающаго сіи удачные случаи или ими пользующагося? Тотъ не добродѣтеленъ, кто несчастливъ по внѣшнему положенію.»

«Заключаемъ наши выписки изъ *Досуговъ* строками, имѣющими особое значеніе, когда сопоставить ихъ съ позднѣйшею судьбой Сперанскаго, которому было суждено проникнуть въ глубину всѣхъ тайнъ нашего государственнаго устройства (2). «Какое зрѣлище для народа увидѣть въ первый разъ сіи могущественныя пружины, кои нѣсколько вѣковъ, непостижимымъ для него образомъ, двигали его волю! узрѣть сіе великое колесо правленія, что̀, обращаясь на таинственной оси, возвышало и низвергало съ собою счастіе милліоновъ! Если можно что-нибудь представить разительнѣе и великолѣпнѣе

(1) *Сынъ Отеч.* 1844, № 2, стр. 47.
(2) *Сынъ Отеч.* 1844, № 1, стр. 24.

его вида, это есть, ставъ въ центрѣ міра, смотрѣть на всѣ силы двигнутой природы и видѣть ходъ вселенной!»

Мы не знаемъ навѣрно, занимался ли Сперанскій въ главной семинаріи литературными трудами, переводами и т. п., подобно товарищу своему Мартынову, который работалъ тогда для издателей Богдановича и Миллера и участвовалъ въ журналѣ Клушина еще въ 1793 году (1). Въ 1795 году Мартыновъ вышелъ изъ духовнаго званія, поступилъ въ гражданскую службу и женился (2). Съ начала 1796 года онъ сталъ издавать журналъ подъ заглавіемъ: *Муза*, и г. Колбасинъ, біографъ Мартынова, догадывается, по его запискамъ, что стихотворенія этого журнала, подписанныя буквою *ѣ*, принадлежатъ Сперанскому (3). Вотъ отрывокъ изъ одного изъ этихъ стихотвореній, *И мое счастіе* (4), посвященнаго И. И. М. (Мартынову):

Въ трудахъ находишь ты веселье,—
И я люблю ихъ, милой мой!
Лѣнива праздность и бездѣлье
Не подружилися со мной,
И вѣрно ввѣкъ не подружатся.—
Вѣдь мы не въ златѣ рождены,
Не талисманы намъ даны:
Такъ намъ ли, другъ мой! съ ними знаться?

Я должностью люблю заняться,
И для меня въ ней скуки нѣтъ.
Не смѣетъ скука быть съ трудами.
Приходитъ время—я съ друзьями
Иду домой другимъ во слѣдъ.
Меня родные принимаютъ,
Съ сердечной нѣжностью ласкаютъ,—
Душа моя восторги пьетъ.

Если дѣйствительно Сперанскій былъ сотрудникомъ этого журнала, издававшагося Мартыновымъ (5), и подписывался бук-

(1) *Соврем.* 1856, № III, Отд. 2, стр. 12 и 18.
(2) Тамъ же, стр. 24.
(3) Тамъ же.
(4) Тамъ же.
(5) *Муза*, ежемѣсячное изданіе на 1796 годъ. 4 части in 8, С.-Петербургъ. Съ эпиграфомъ: «sono pittor anche io» (И я тоже живописецъ).

вою *ъ*, то ему принадлежатъ пять стихотвореній (1) и одна статья въ прозѣ (2).

Въ *Музѣ* Мартынова участвовалъ и Державинъ (3). Изъ этого можно заключить, что издатель, а можетъ-быть и другъ его Сперанскій уже тогда познакомились съ знаменитымъ поэтомъ.

Вообще, дружба Сперанскаго съ Мартыновымъ была въ это время самая тѣсная. У Мартынова родился сынъ Аркадій, бывшій потомъ товарищемъ Пушкина, по первому курсу Царскосельскаго лицея; Сперанскій былъ его крестнымъ отцомъ (4).

Годъ изданія *Музы* (1796) былъ рѣшительнымъ для Сперанскаго. Онъ умѣлъ составить себѣ уже нѣкоторую репутацію не только между товарищами по семинаріи, но и у начальства, а также у другихъ значительныхъ лицъ (5). Въ это время былъ онъ отрекомендованъ митрополитомъ Гавріиломъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину (6), служившему тогда управляющимъ третьею экспедиціей ревизіи счетовъ. Онъ опредѣлилъ его къ себѣ домашнимъ секретаремъ по обширнымъ частнымъ дѣламъ своимъ. Сперанскій далъ двѣнадцать уроковъ закона Божія дѣтямъ князя передъ первой ихъ исповѣдью, но кромѣ этого случая обязанность его исключительно состояла въ упомянутой нами перепискѣ, которая, впрочемъ, не мѣшала ему продолжать занятія по должностямъ въ семинаріи. Скоро Сперанскій долженъ былъ разстаться съ прежнею своею карьерой и вступить на поприще гражданской службы.

(1) Во 2-й части: *Весна* (стр. 178); *И мое счастіе* (стр. 256); въ 3-й части: *Къ Дружбѣ* (стр. 54), *Луга* (стр. 237); въ 4-й части: *Четыре времени года* (стр. 36).

(2) *Мысли при колыбели младенца*, въ 3-й части, стр. 84.

(3) Г. Колбасинъ полагаетъ, что Мартыновъ познакомился съ Державинымъ, потому что въ *Музѣ* явилась надпись къ его портрету. Но г. Колбасинъ пропустилъ болѣе важное доказательство, именно то, что въ 1-й части *Музы* помѣщены стихотворенія Державина: 1) *Хариты* (стр. 97), 2) *Надгробіе Шелехову* (стр. 100) и 3) *Анакреонъ* (стр. 225). По всѣмъ вѣроятіямъ ему же принадлежатъ стихи къ Суворову (стр. 99).

(4) *Соврем.* 1856, № IV, Отд. 2, стр. 124. Обстоятельство это подтверждаетъ догадку г. Колбасина о томъ, что Сперанскій подписывался въ *Музѣ* буквою *ъ*; она подписана подъ статьей *Мысли при колыбели младенца*, вѣроятно, относившейся къ его крестнику.

(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(6) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 19 сентября 1759, ум. 1829. Онъ былъ женатъ на Натальѣ Ивановнѣ Головиной (р. 1768, ум. 1831). У нихъ были: сынъ, князь Борисъ Алексѣевичъ (1783—1850), и двѣ дочери, графиня Елена Алексѣевна Зотова и Александра Алексѣевна Солтыкова.

Баронъ Корфъ говоритъ, что «объ этихъ событіяхъ и этой эпохѣ его жизни сохранилось много любопытныхъ свѣдѣній, которыя, впрочемъ, могли бы найдти свое мѣсто только въ болѣе подробной біографіи.» Лишенные этихъ свѣдѣній, мы можемъ указать только на одну положительную причину рѣшимости Сперанскаго перемѣнить окончательно родъ своей карьеры послѣ вступленія на престолъ императора Павла I. Она разказана была самимъ Сперанскимъ въ Перми, въ 1813 году: «Жажда ученія, говорилъ онъ, побудила меня перейдти изъ духовнаго званія въ свѣтское; я надѣялся ѣхать за границу и образовать себя въ нѣмецкихъ университетахъ, но вмѣсто того завлекся службою...»

Если позволительно догадываться о другихъ причинахъ, которыя могли имѣть свою долю вліянія на рѣшеніе Сперанскаго въ этомъ случаѣ, то, кажется, можно предположить, что въ числѣ ихъ были примѣръ товарища его Мартынова, отсутствіе особенной склонности къ духовному званію, предложеніе князя Куракина, сдѣлавшагося, при самомъ воцареніи Павла I, сильнымъ лицомъ при дворѣ и, наконецъ, уже возникшая въ сердцѣ Сперанскаго привязанность къ молодой Англичанкѣ, о которой скоро мы будемъ говорить.

Какъ бы то ни было, Сперанскій подалъ 20 декабря 1796 года митрополиту Гавріилу прошеніе, въ которомъ изложилъ ходъ ученія и преподаванія своего въ главной семинаріи, и присовокупляя, что «должность свою проходилъ съ возможною ревностію и раченіемъ», говорилъ: «Нынѣ же нахожу я сообразнѣйшимъ съ склонностями и счастіемъ моимъ вступить въ статскую службу; того ради, ваше высокопреосвященство, всепокорнѣйше прошу сіе мое прошеніе принять и, изъ александроневской семинаріи меня уволивъ, снабдить аттестатомъ.»

Просьба Сперанскаго вскорѣ была исполнена (1). Въ новый 1797 годъ, когда ему исполнилось двадцать пять лѣтъ, онъ уже не принадлежалъ къ духовному вѣдомству и вступилъ на то поприще, гдѣ ожидали его и всѣ обаянія славы и почестей, и всѣ испытанія и горести, которыя такъ часто отравляютъ жизнь любимцевъ счастія и великихъ людей, какъ бы въ искупленіе ихъ блистательныхъ торжествъ.

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

II.

Въ 1797 году, 2-го января Сперанскій былъ переименованъ въ титулярные совѣтники изъ магистровъ богословія (1) и поступилъ экспедиторомъ въ канцелярію генералъ-прокурора (2), покровителя своего, князя Алексѣя Борисовича Куракина, только что поступившаго на это важное мѣсто (3).

Нѣтъ сомнѣнія, что такой ученый и даровитый молодой человѣкъ, какъ Сперанскій, долженъ былъ выдаваться изъ среды своихъ сослуживцевъ, чиновниковъ-рутинистовъ, старыхъ дѣльцовъ. Зная его трудолюбіе и удивительную способность къ работѣ, мы не должны слишкомъ удивляться тому, что онъ, при особомъ благоволеніи своего начальника, получилъ въ теченіи 1797 года чины: коллежскаго ассессора и надворнаго совѣтника (4). Во времена Павла I, награды нерѣдко слѣдовали одна за другою съ необыкновенною быстротой.

Несмотря на многочисленныя служебныя занятія, Сперанскій успѣвалъ продолжать свое образованіе. Живя въ домѣ князя Куракина, онъ въ совершенствѣ изучилъ французскій языкъ, помѣстивъ въ своей квартирѣ кадета Франца Ивановича Цейера, котораго удалось ему опредѣлить въ какую-то гражданскую должность, и который во всю свою жизнь оставался преданнѣйшимъ ему человѣкомъ (5). Вскорѣ одно изъ знаменательнѣйшихъ для его частной жизни обстоятельствъ побудило его коротко узнать и англійскій языкъ.

(1) *Словарь Дост. людей* Бантыша-Каменскаго, 1847 г., ч. III, стр. 284.

(2) *Спб. Вѣд.* 1848. № 144.

(3) Князь Куракинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, вскорѣ по воцареніи Павла I, 4-го декабря 1796 года, и оставался въ этой должности до 8-го августа 1798, когда былъ уволенъ отъ службы. Онъ принялъ это мѣсто отъ графа Александра Николаевича Самойлова, который занялъ его въ январѣ 1793 года, послѣ смерти знаменитаго князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, отправлявшаго должность генералъ-прокурора въ теченіи двадцати девяти лѣтъ, съ 1764 года.

(4) *Слов. Достоп. людей*, 1847 года, ч. III, стр. 284.

(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

Мы знаемъ уже нѣкоторыя изъ дружескихъ связей Сперанскаго. Кромѣ нихъ, извѣстно, что онъ былъ при началѣ своей службы въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Семизоровымъ и тремя братьями Скабовскими, которые были ему какъ-то съ родни. Смерть одного изъ нихъ сильно его огорчила (1).

Между тѣмъ ни служебныя дѣла, ни окончательное изученіе французскаго языка, которому Сперанскій предался одно время съ такимъ усердіемъ, что отростилъ бороду, чтобы не выходить и не развлекаться (2), ни другія занятія не помѣшали овладѣть его сердцемъ новому чувству, которымъ, можетъ быть, было внушено потерянное потомъ разсужденіе: ***Философія любви*** (3).

Въ концѣ 80-хъ годовъ пріѣхала изъ Англіи въ Петербургъ съ тремя малолѣтными дѣтьми вдова бѣднаго сельскаго священника изъ окрестностей Ньюкасля, г-жа Стивенсъ (Stevens), рожденная Планта, изъ фамиліи швейцарскаго происхожденія, издавна поселившейся въ Англіи. Г-жа Стивенсъ обладала прекрасными дарованіями и замѣчательнымъ образованіемъ, при помощи которыхъ надѣялась найдти себѣ мѣсто въ Россіи, оставшись послѣ смерти мужа безъ всякаго состоянія. Братъ ея, инспекторъ Британскаго Музея и авторъ очень хорошей ***Исторіи Швейцарскаго Союза***, рекомендовалъ ее въ Петербургѣ законоучителю великихъ князей Александра и Константина Павловичей, протоіерею Андрею Аѳанасьевичу Самборскому, съ которымъ онъ подружился въ Лондонѣ, когда Самборскій жилъ тамъ въ качествѣ священника русскаго посольства. Черезъ посредство Самборскаго, г-жа Стивенсъ получила мѣсто въ домѣ графа Шувалова (4). Въ семействѣ Шуваловыхъ жила она съ дѣтьми своими и въ то время, которое мы теперь описываемъ (5).

Мы не знаемъ, когда именно и въ какихъ обстоятельствахъ

(1) *Москвит.* 1848, № 8, стр. 38.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же.

(4) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(5) Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, сынъ извѣстнаго графа Петра Ивановича, любимца императрицы Елисаветы, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 23 іюня 1744, ум. 24 апрѣля 1789. Онъ извѣстенъ какъ отличный французскій стихотворецъ; знаменитое его ***Посланіе къ Нинонъ*** многіе долго приписывали Вольтеру. Онъ былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Салтыковой (р. 1743, ум. 1816) и

познакомился Сперанскій съ Шуваловыми и семействомъ Стивенсъ. Одна изъ дочерей г-жи Стивенсъ плѣнила его, и любовь его встрѣтила взаимность въ сердцѣ молодой Англичанки. Въ 1797 году Сперанскій сдѣлался женихомъ и женился (1).

Въ слѣдующемъ 1798 году Сперанскій былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и, съ оставленіемъ при прежней должности, пожалованъ герольдомъ ордена Св. Андрея Первозваннаго (2). Тогда же родилась единственная его дочь Елизавета Михайловна (3).

Въ этомъ же году 8 августа, князь Куракинъ былъ уволенъ отъ службы, и на мѣсто его назначенъ генералъ-прокуроромъ князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ (4). При этомъ новомъ начальникѣ получилъ Сперанскій въ 1799 году чинъ статскаго совѣтника (5). 7 іюля 1799 года мѣсто Лопухина занялъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ (6). Сперанскій умѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ въ генералъ-прокурорскомъ управленіи, и, несмотря на частыя перемѣны начальниковъ, всѣ

имѣлъ дѣтей: графа Петра Андреевича (1771—1808) и графа Павла Андреевича (1777—1823), бывшаго генералъ-адъютантомъ и любимцемъ императора Александра; княгиню Прасковью Андреевну Голицыну (1767—1828) и княгиню Александру Андреевну Дитрихштейнъ (1775—1847). Сперанскій навсегда сохранилъ самыя дружественныя отношенія къ дому, гдѣ воспитывалась жена его, сверстница меньшихъ Шуваловыхъ. По смерти графа Павла Андреевича, который былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Петровнѣ Шаховской (нынѣ вдова князя Бутеры), Сперанскій былъ опекуномъ двухъ его малолѣтныхъ сыновей, и жилъ въ извѣстномъ ихъ имѣніи близъ Петербурга, Парголовѣ (См. *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 342).

(1) Въ это время Сперанскій выучился англійскому языку. *Спб. Вѣд*. 1848, № 144.

(2) *Слов. Достоп. людей* 1847 г., ч. III, стр. 284.

(3) Въ началѣ 20-хъ годовъ Е. М. Сперанская вышла замужъ за Александра Алексѣевича Фролова-Багрѣева, въ послѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора. По своей матери, онъ былъ роднымъ племянникомъ канцлера князя Виктора Павловича Кочубея. И онъ и супруга его, напечатавшая нѣкоторыя свои сочиненія на французскомъ языкѣ, уже умерли. У нихъ былъ одинъ сынъ, Михаилъ Александровичъ, служившій въ военной службѣ, убитый на Кавказѣ А. Н. Х., и одна дочь въ замужствѣ за княземъ Кантакузеномъ.

(4) Свѣтлѣйшій князь П. В. Лопухинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ I класса, род. 1753, ум. 6 апрѣля 1827.

(5) *Слов. Достоп людей*, 1847, ч. III, стр. 284.

(6) А. А. Беклешовъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1 марта 1743, умеръ 24 іюля 1808.

они благоволили къ нему. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «Не постигаю этого человѣка! Онъ, повидимому, слился со мною; сердца наши какъ будто соединились. Глядь! какъ налимъ, ускользнулъ изъ рукъ (1).» Говорятъ, что Сперанскій, заваленный дѣлами и мастерски излагавшій ихъ на словахъ и на бумагѣ, былъ и примѣромъ аккуратности и являлся съ докладами раньше всѣхъ другихъ товарищей. Они удивлялись ему, но тщетно старались сблизиться съ нимъ (2). Онъ предпочиталъ ихъ обществу свое семейство и занятія языками и науками; онъ готовился къ поприщу болѣе дѣятельному и блестящему, которое въ это время можетъ-быть только мечталось ему и такъ скоро должно было въ самомъ дѣлѣ передъ нимъ открыться.

Въ началѣ октября 1799 года, жестокій ударъ поразилъ Сперанскаго: онъ лишился своей нѣжно-любимой супруги, на которой былъ женатъ немного болѣе двухъ лѣтъ. Скорбь его была глубока и истинна, что̀ лучше всего свидѣтельствуется слѣдующимъ письмомъ его къ В. Н. Каразину (3):

«И время меня не утѣшаетъ. Вотъ третья недѣля наступаетъ, какъ я проснулся, и горести мои каждый день возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ я обнимаю ужасъ моего состоянія. Тщетно призываю я разумъ, онъ меня оставляетъ; одно воображеніе составляетъ всѣ предметы моего размышленія. Минуты забвенія мелькаютъ иногда, но малость, самая малость, ничтожество ихъ разсыпаетъ, и я опять пробуждаюсь, чтобы чувствовать, чтобы находить ее вездѣ предо мною, говорить съ нею — приди ко мнѣ, о ангелъ мой, — да, теките, придите любезныя слезы, единое мое утѣшеніе. Нѣтъ, мой другъ, не могу еще я писать; еще я далекъ отъ истиннаго умиленія, все, что̀ могу я вамъ сказать, есть только то, что здѣсь я сохну и грущу болѣе, нежели въ городѣ. Причина сему очевидна. Сердце мое благодаритъ васъ за два письма.

«Принимаясь за перо, я чувствовалъ себя въ силахъ дать волю моему воображенію. Но вижу, что я обманулся; рано для меня это утѣшеніе.

«Пріѣхавъ въ городъ, первое мое движеніе будетъ ѣхать къ ней, поклониться моему ангелу. Столько разъ клялся я ей не разставаться.

---

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 284.

(2) Тамъ же.

(3) *Москвит*. 1842, № 6, стр. 339.

«Жестокое дитя, немилосердые друзья, одинъ ударъ, одно мгновеніе, и я бы разложился. Прахъ мой смѣшался бы съ нею. Нѣтъ, не могу еще я писать.

«Прощай, мой милый, добрый, единственный другъ. Я возвращусь въ понедѣльникъ, можетъ-быть къ вечеру, а вѣрно во вторникъ. Я возвращусь, она меня уже не встрѣтитъ, я поѣду искать ее.

«Стыжусь самого себя. Но не могу.»

Сперанскій остался вѣренъ памяти покойницы: всю свою жизнь онъ не рѣшился вступить во второй бракъ. Онъ остался твердъ въ своей рѣшимости, несмотря на то, что во время его высшихъ служебныхъ успѣховъ представлялись не разъ выгодныя партіи (1). Если не ошибаемся, сестра жены его, вскорѣ также овдовѣвшая, содѣйствовала воспитанію единственной дочери Сперанскаго.

Между тѣмъ наступилъ 1800 годъ. Служба Сперанскаго шла по прежнему, такъ какъ новая должность секретаря Ордена Св. Андрея, имъ тогда полученная (2), не могла ничего прибавить къ его служебнымъ обязанностямъ. Вѣроятно, въ усиленной работѣ по должности и по просвѣщенію собственнаго ума находилъ Сперанскій нѣкоторую отраду въ постигшемъ его несчастіи. Тогда же, повидимому, проникся онъ вполнѣ тѣмъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, которое постоянно онъ питалъ въ себѣ въ послѣдствіи.

Въ этомъ же году, февраля 2-го, главный начальникъ Сперанскаго Беклешовъ былъ уволенъ отъ должности (3). На мѣсто его пожалованъ былъ Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ (4), занимавшій это мѣсто до кончины императора Павла, въ четырехлѣтнее царствованіе котораго смѣнилось пять генералъ-прокуроровъ. При такой скорой перемѣнѣ лицъ начальствующихъ, такъ же быстро мѣнялись и правители генералъ-прокурорской канцеляріи, которые были одинъ послѣ другаго: Пшеничный, Духовницкій, Аверинъ и Безакъ (1).

(1) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 325.

(2) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 284.

(3) Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ императора Александра I, Беклешовъ былъ вторично сдѣланъ генералъ-прокуроромъ 16 марта 1801 года. Онъ былъ послѣднимъ генералъ-прокуроромъ и исправлялъ эту должность до 8 сентября 1802, когда, съ учрежденіемъ министерствъ, она была упразднена, и вмѣсто нея установлена должность министра юстиціи, которую первый получилъ Державинъ.

(4) По смерти Павла I, П. Х. Обольяниновъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и былъ въ послѣдствіи долгое время губернскимъ предводителемъ дворянства. Онъ умеръ въ тридцатыхъ годахъ.

Но экспедиторъ Сперанскій остался на службѣ и при Обольяниновѣ, по крайней мѣрѣ довольно долго сравнительно съ непродолжительностію управленія новаго генералъ-прокурора. Онъ получилъ въ это время орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго (2), первый знакъ тѣхъ отличій, которыя вскорѣ должны были осыпать его.

Въ началѣ 1801 года, мы находимъ статскаго совѣтника Сперанскаго предсѣдателемъ или членомъ коммиссіи снабженія С.-Петербурга хлѣбомъ. Мы не знаемъ, попалъ ли онъ въ коммиссію еще при императорѣ Павлѣ, какъ утверждаетъ Магницкій (3), или же поступилъ онъ туда немедленно по воцареніи Александра I, какъ говоритъ другой безыменный біографъ (4). Хотя послѣдній и полагаетъ, что Сперанскій перешелъ въ эту коммиссію съ цѣлію выждать и высмотрѣть, чѣмъ кончатся возникшія послѣ кончины Павла I перемѣны, но, кажется, Магницкій имѣетъ болѣе правъ на наше довѣріе, потому что такъ много лѣтъ и такъ коротко зналъ Сперанскаго. Во всякомъ случаѣ, служба его въ этой коммиссіи замѣчательна особенно, какъ фактъ его необычайно-многосторонней дѣятельности и доказательство разнообразія его способностей. Безъ этого, въ карьерѣ Сперанскаго, занимавшагося всѣми главными отраслями гражданской службы, гдѣ онъ являлся какъ законодатель, администраторъ, судья, преобразователь финансовъ и многихъ частей народнаго просвѣщенія, не доставало бы занятій высшею хозяйственною частію. Но и этого пробѣла не суждено встрѣтить въ удивительной службѣ Сперанскаго.

Какъ бы то ни было, новая эпоха наступила для Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ новое поприще открылось для двадцатидевятилѣтняго Сперанскаго. 12-го марта 1801 года вступилъ на престолъ Александръ I, и вся Россія съ восторгомъ и надеждой привѣтствовала юнаго монарха, обѣщавшаго ей въ первомъ своемъ манифестѣ царствовать «по законамъ и по сердцу бабки своей».

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(2) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 285.

(3) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.

(4) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 146.

III.

Со вступленіемъ на престолъ двадцатитрехлѣтняго государя, уже извѣстнаго качествами своего ума и сердца, Россія нетерпѣливо ожидала видѣть скорыя и необходимыя перемѣны въ системѣ внутренняго своего управленія. Такая общая надежда не мѣшала впрочемъ людямъ, имѣвшимъ право думать, что они будутъ призваны къ участію въ государственной дѣятельности, группироваться на два противоположные лагеря. Къ одному принадлежали тѣ, которые считали лучшимъ средствомъ для благоденствія Россіи — возвратиться съ немногими измѣненіями къ немногосложному, преимущественно коллегіяльному устройству въ сферѣ не только судебной, но и административной, которое учреждено было узаконеніями Петра Великаго, и еще болѣе развито и распространено уставами Екатерины II; дать какъ можно болѣе значенія сенату, какъ высшему мѣсту, имѣющему какъ бы делегацію верховныхъ правъ монарха въ извѣстныхъ границахъ, за предѣлами которыхъ требовалось уже разрѣшеніе государя; подчинить сенату коллегіи и высшія административныя лица; уничтожить лишнія учрежденія, затруднявшія и осложнявшія теченіе дѣлъ; составить сводъ указовъ и постановленій, имѣющихъ законную силу, раздѣлить ихъ по предметамъ, согласивъ ихъ потомъ между собою и сдѣлавши необходимыя изъясненія и дополненія, издать кодексъ законовъ, избѣгая, по возможности, сочиненія при томъ новыхъ. Таковы были въ главныхъ чертахъ желанія одной партіи. Она состояла изъ отчаянныхъ патріотовъ и изъ людей, помнившихъ вѣкъ Екатерины въ его блестящее время и думавшихъ, что такое устройство, при правленіи государя мудраго и добраго, должно быть идеаломъ для Россіи. Къ нимъ присоединялись и нѣкоторые изъ лучшихъ людей другаго поколѣнія, можетъ-быть, отчасти и инстинктивно, опасавшіеся нововведеній, предчувствуя, что при начертаніи уставовъ, совершенно новыхъ, извлеченныхъ изъ однихъ теорій и умозрѣній или изъ иноземныхъ законодательствъ, возникнетъ разладъ между закономъ и потребностями и привычками народа. Они опасались, что новое устройство администраціи, которое необходимо будетъ заимствовано изъ системы организаціи ея въ другихъ государствахъ, осложнитъ административную машину, займетъ чиновниковъ множествомъ формальностей и безплодныхъ переписокъ, изъ-за которыхъ потеряется изъ виду существо дѣлъ, что бумажныя горы заслонятъ отъ проницательности правительства людей, имѣющихъ нужду въ его покровительствѣ, и что этимъ поколеблется въ государствѣ довѣріе къ правительственной мудрости и уваженіе къ распоряженіямъ правительства (1). Къ этимъ двумъ оттѣнкамъ консервативной партіи, безъ сомнѣнія, присоединялся и третій, менѣе разумный. Онъ состоялъ изъ людей знатныхъ, которые обижались уже при Павлѣ I скорымъ вызвышеніемъ людей не аристократической породы, или не высшаго круга. Они предчувствовали, что при системѣ нововведеній потребуются и люди новые, которые самою силой обстоятельствъ, хотя уже не по капризу фортуны, а по разумной необходимости, все-таки выдвинутся на первый планъ. Между тѣмъ, при одномъ подновленіи прежняго порядка, мудрствовать много было нечего, и эти знатные дюди, благодаря пріобрѣтеннымъ уже чинамъ и лентамъ, могли надѣяться одни засѣдать въ сенатѣ, предсѣдательствовать по имени въ коллегіяхъ или чваниться въ провинціи, въ качествѣ намѣстниковъ и губернаторовъ.

Другая партія состояла изъ людей, которые жаждали самыхъ широкихъ по тому времени преобразованій, административныхъ и законодательныхъ. Духъ времени уже леталъ надъ этими молодыми и пылкими умами и коснулся ихъ своимъ крыломъ. Они вѣрили уже не въ прошедшее, а въ будущее, которое имъ казалось такъ легко создать по идеалу, составившемуся въ ихъ благородной и воспріимчивой душѣ. Они гордились успѣхами своего вѣка, благоговѣли передъ завоеваніями ума человѣческаго, преклонялись передъ формами жизни европейской, недавно еще выработавшимися въ новыхъ видахъ. Примѣнить все это къ Россіи, которую многіе изъ нихъ считали не болѣе какъ грубымъ, неодушевленнымъ матеріяломъ, было ихъ единственнымъ пламеннымъ желаніемъ. Для исполненія его они были готовы пожертвовать наслѣдственными предразсудками, и безъ того уже

(1) Къ этому разряду должно причислить Карамзина, основываясь на мысляхъ, изложенныхъ имъ въ знаменитой запискѣ *О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ*, написанной въ 1811 году, и о которой мы скажемъ въ свое время.

поколебленными въ нихъ при чудесахъ современной исторіи, которой потокъ на ихъ глазахъ вынесъ на вершину почестей и власти молодаго артиллерійскаго подпоручика, диктовавшаго теперь свою волю Европѣ.

Люди этой партіи должны были сдѣлать не мало ошибокъ и не могли избѣжать вполнѣ тѣхъ недостатковъ, которыхъ такъ боялись ихъ противники. Ломая старое, не всегда умѣли они ко времени подготовлять новое, согласное съ настоящими потребностями государства. Въ упоеніи собственныхъ успѣховъ и увѣренности въ непогрѣшимости своихъ предначертаній, часто недостаточно внимали они инымъ уважительнымъ требованіямъ. Спѣша исполнять завѣтныя свои мысли, иногда недостаточно обсуживали новыя мѣры. Но какъ было избѣжать такихъ погрѣшностей, и гдѣ ихъ не было при подобныхъ обстоятельствахъ? Каковы бы ни были ошибки и крайности новой системы, она была неизбѣжна, какъ историческій плодъ всего хода нашей государственной жизни, какъ проявленіе эпохи, когда необходимо должны были пасть остатки патріархальности въ государственномъ управленіи, оказавшейся несостоятельною уже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II (1).

Итакъ, партія эта должна была восторжествовать и по духу времени, и по духу исторіи, и наконецъ по самому характеру молодаго государя, ученика Лагарпова и склоннаго къ преобразованіямъ, которыя онъ считалъ необходимыми и благодѣтельными. Онъ обѣщалъ царствовать «по сердцу и по законамъ» Екатерины, которой имя имѣло такую завидную популярность. Но странно ошибались тѣ, которые думали видѣть въ этихъ словахъ обѣтъ ограничиться однимъ возстановленіемъ и исправленіемъ «ея законовъ». Отъ такой системы вышелъ бы одинъ несвоевременный, опасный и непрочный застой.

Новые люди, молодые и исполненные лучшихъ намѣреній, сдѣлались совѣтниками и личными друзьями царя; Кочубей, Новосильцовъ, Чарторижскій, Строгановъ и проч.,—были имена этихъ людей, связанныя навсегда съ воспоминаніемъ о первыхъ годахъ Александрова царствованія. Вскорѣ должно было присоединиться къ нимъ имя Сперанскаго.

(1) О печальномъ положеніи дѣлъ въ послѣднее время царствованія Екатерины II см. письмо великаго князя Александра Павловича къ В. П. Кочубею, въ книгѣ барона Корфа *Восшествіе на престолъ императора Николая I,* 1857, изд. 1 для публики, стр. 4.

Но не должно думать, что такія перемѣны при дворѣ удалили отъ государя людей, заслуженныхъ и опытныхъ, и совершенно лишили ихъ вліянія на многія дѣла. Государь не лишилъ себя ихъ содѣйствія, умѣлъ отличать ихъ заслуги, и многіе изъ нихъ пользовались его полнымъ довѣріемъ по частямъ, имъ порученнымъ.

Въ числѣ такихъ лицъ находился екатерининскій статсъ-секретарь Трощинскій (1). Онъ управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ и удѣлами, и въ послѣднее изъ этихъ вѣдомствъ поступилъ въ 1801 году Сперанскій, въ качествѣ правителя дѣлъ (2). Сперанскій былъ тогда уже очень извѣстенъ въ мірѣ административномъ, и новый начальникъ хорошо зналъ его. Государя занимала въ это время мысль объ учрежденіи государственнаго совѣта, который и дѣйствительно былъ составленъ 30 марта 1801 года, въ видѣ первоначальномъ, и состоялъ изъ 12 членовъ, безъ раздѣленія на департаменты. Государь поручилъ Трощинскому образовать канцелярію совѣта, и, по избранію его, Сперанскій былъ назначенъ статсъ-секретаремъ въ государственномъ совѣтѣ (3) по части дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ (4), при чемъ ему пожалованы: чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ежегодный пожизненный пенсіонъ въ двѣ тысячи рублей (5).

Съ этого времени начинается изумительная дѣятельность Сперанскаго, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе охватывавшая самыя разнообразныя отрасли законодательства, высшаго управленія и государственнаго хозяйства. Слѣдующія десять лѣтъ его жизни поражаютъ всякаго громадностію его трудовъ, особенно, если вспомнить, что всѣ они, по большей части, не только исполнены по его указаніямъ и мыслямъ, какъ это не рѣдко бываетъ у другихъ, но дѣйствительно совершены имъ самимъ, вылились, такъ сказать, изъ-подъ его пера.

(1) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 1754, ум. 26 февраля 1829.

(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.

(3) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(4) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 285.

(5) Тамъ же.

Приступая къ этому необычайному періоду въ жизни славнаго государственнаго дѣятеля, мы просимъ читателей вспомнить о скромныхъ размѣрахъ нашего очерка и не требовать отъ насъ труда, не соотвѣтственнаго ни съ цѣлію предлагаемой статьи, ни съ собственными нашими средствами. Произносить судъ надъ трудами Сперанскаго—для этого нужна работа нѣсколькихъ спеціялистовъ и нѣсколько томовъ. Мы ограничимся указаніемъ на главные труды Сперанскаго, постараемся размѣстить труды его и прочіе, касающіеся до него, факты въ послѣдовательномъ порядкѣ и приведемъ, по возможности, свидѣтельства о томъ, какіе были возбуждены толки и впечатлѣнія главными изъ его работъ, получившихъ силу закона. Еще разъ, мы не пишемъ исторію или даже біографію, а собираемъ только матеріялы и составляемъ простой очеркъ жизни Сперанскаго.

Сперанскій уже около года исправлялъ новую должность свою по государственному совѣту съ тою ревностію, которой опыты показалъ онъ въ прежней своей службѣ. Репутація его дѣлалась все обширнѣе и обширнѣе, когда воспослѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ, отъ 8 сентября 1802 года. Первый министръ внутреннихъ дѣлъ, В. П. Кочубей (1), имѣлъ надобность въ помощникѣ способномъ и опытномъ для приведенія въ ходъ новаго, чрезвычайно-важнаго и сложнаго административнаго вѣдомства, ввѣреннаго его управленію. Изъ трехъ предложенныхъ ему совѣтскихъ статсъ-секретарей, онъ избралъ Сперанскаго (2), который и былъ прикомандированъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ оставленіемъ и въ прежней должности по государственному совѣту (3).

Замѣтимъ здѣсь кстати черту, доказывающую постоянство чувствъ Сперанскаго. Министерство народнаго просвѣщенія, при своемъ учрежденіи, поручено было управленію графа Петра Васильевича Завадовскаго, котораго товарищемъ былъ назначенъ извѣстный писатель и любитель учености Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Муравьевъ рекомендовалъ министру, въ директоры департамента Мартынова и съ согласія графа предложилъ это мѣсто старому товарищу Сперанскаго. Первымъ дѣломъ обрадованнаго Мартынова было поспѣшить къ Сперанскому съ этимъ извѣстіемъ, которое онъ принялъ съ живѣйшею радостію (1).

(1) Князь Викторъ Павловичъ Кочубей, государственный канцлеръ, род. 1768, ум. 2 іюня 1834.
(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.
(3) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 285.

Въ 1803 году Сперанскій сталъ управлять департаментомъ подъ начальствомъ Кочубея (2), и за особые труды по службѣ пожалованъ былъ табакеркой съ бриліянтами и вензелемъ государя (3). Кочубей ближе и ближе узнавалъ необыкновенныя способности своего подчиненнаго, и Сперанскому открывалось еще болѣе обширное поприще отъ такого сближенія съ вельможей, бывшимъ, еще въ бытность государя великимъ княземъ, однимъ изъ его сердечныхъ друзей (4).

Учрежденіемъ государственнаго совѣта въ 1801 году и министерствъ въ 1802 было положено первое основаніе тѣхъ преобразованій, которыя партія движенія впередъ считала необходимыми для введенія въ управленіе Россіей государственныхъ элементовъ, существовавшихъ тогда въ другихъ европейскихъ странахъ. Но совѣтъ и министерства были только центры, изъ которыхъ должны были передаваться во всѣ мѣстности имперіи распоряженія высшаго правительства. Для полноты и стройности новаго порядка нужно было и учрежденія низшія, мѣстныя, остававшіяся еще въ прежнемъ видѣ, привести въ соотвѣтственность съ преобразованными высшими мѣстами суда и управленія. Мысль эта не могла не занимать сильно государя, которому нуженъ былъ для ея исполненія человѣкъ, обладающій особеннымъ даромъ организаціи и умомъ строго-систематическимъ. Кочубей рекомендовалъ императору уже извѣстнаго ему Сперанскаго, которому и было дано важное порученіе составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи (5). Такого высокаго довѣрія было достаточно, чтобы тогда уже убѣдиться, что Сперанскаго ждетъ быстрая и блестящая карьера.

Занятіе такимъ важнымъ трудомъ и обязанности по государственному совѣту не мѣшали Сперанскому дѣятельно приво-

(1) *Современн.* 1856, № 8, Отд. 2, стр. 30.
(2) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III. стр. 285.
(3) Тамъ же.
(4) См. письмо в. к. Александра Павловича къ В. П. Кочубею, о которомъ уже говорено выше.
(5) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 285. «Образованіе судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи», написанное Сперанскимъ, было введено не все вдругъ, а только по нѣкоторымъ частямъ и въ разное время. (*Восп. Ѳ. Булг.* ч. V, стр. 313).

дить въ порядокъ организацію министерства внутреннихъ дѣлъ, которую онъ началъ въ 1802 году, и которая служила образцомъ и для прочихъ министровъ (1). Приходилось образовать департаменты изъ коллегій, дать первоначальное направленіе правильному теченію дѣлъ, сочинять правила и формы для дѣлопроизводства, собирать статистическія свѣдѣнія, составлять отчеты и проч. (2). При всемъ этомъ необходимо было заготовлять множество проектовъ, докладовъ, положеній, указовъ объ устройствѣ полицій и по другимъ предметамъ. Сперанскій пробылъ семь лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, по объему своему, въ послѣдствіи только сокращенному, было тогда болѣе многосложно и затруднительно для управленія имъ, чѣмъ всѣ прочія,—и вся эта тяжелая работа лежала на Сперанскомъ. Во всѣхъ многоразличныхъ законоположеніяхъ, писанныхъ Сперанскимъ, видно непреодолимое желаніе, устраняя всякое недоразумѣніе, могущее подать поводъ къ произволу, не только установить законность и справедливость, но и опредѣлить ее такъ ясно, чтобы не могло и быть причинъ къ кривымъ толкованіямъ, ведущимъ къ злоупотребленіямъ. Должно замѣтить, что кромѣ работъ, прямо принадлежавшихъ къ обязанностямъ Сперанскаго по службѣ, на него возлагались и посторонніе труды, такъ что почти всѣ важные государственные акты до 1812 года были произведеніями его искуснаго пера (3).

Едва ли не важнѣйшимъ изъ такихъ актовъ въ 1803 году былъ указъ 20 февраля о свободныхъ хлѣбопашцахъ (4). Онъ былъ первою попыткой внести нѣкоторый свѣтъ въ мрачный лабиринтъ крѣпостнаго права, мало-по-малу принявшаго, силой не законоположеній, а однихъ обычаевъ и обстоятельствъ, ужасающіе и даже ему самому не свойственные размѣры. Извѣстно, что когда въ государственномъ совѣтѣ, по волѣ государя, стали заниматься этимъ вопросомъ, почти всѣ были удивлены его возбужденіемъ, и никто не могъ указать, когда и какъ крѣпостное состояніе сложилось въ тѣ формы, которыя оно тогда представляло. Оно казалось до того естественнымъ и неприкосновеннымъ, что многіе не могли даже понять, о чемъ тутъ было

(1) *Москвит.* 1842, № II, стр. 147.
(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.
(3) *Москвит.* 1842, № II, стр. 147.
(4) *Полное Собр. Зак.* т. XXVII, № 20.620.

толковать. Указъ 20 февраля былъ первымъ намекомъ на невозможность вѣчнаго сохраненія крѣпостнаго права и на надежду, что оно уничтожится. Онъ произвелъ волненіе не только въ мірѣ офиціяльномъ, гдѣ, если не ошибаемся, сенатъ силился противъ него протестовать, но и въ обществѣ (1), и наконецъ былъ дополненъ законоположеніями, которыя, ограждая интересы увольняемыхъ крестьянъ, окружили его такими формальностями, что почти невозможно было пользоваться имъ иначе какъ съ благотворительною цѣлію, и что даже крестьяне одной помѣщицы, принадлежавшей къ числу лицъ, возбудившихъ вопросъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, остались крѣпостными противъ ея собственной воли, вслѣдствіе одного лишь несоблюденія формальностей, оказавшагося послѣ ея смерти. Кажется, можно предположить, что съ этого времени Сперанскій, какъ редакторъ этого закона, нажилъ уже себѣ враговъ, особенно въ людяхъ, негодовавшихъ на слишкомъ быстрое возвышеніе незнатнаго человѣка, который пріобрѣталъ такое сильное вліяніе въ государственныхъ дѣлахъ.

Въ 1804 году вышло нѣсколько указовъ, писанныхъ, если не ошибаемся, также Сперанскимъ, которые возбудили ропотъ помѣщиковъ, привыкшихъ считать неоспоримыми своими правами даже такія вкравшіяся злоупотребленія, которыя правительство давно хотѣло пресѣчь. Дѣло шло о торгѣ рекрутами, для чего нѣкоторые помѣщики покупали крестьянъ безъ земли и продавали ихъ въ солдаты. Хотя такой ужасный обычай и былъ давно запрещенъ (2), но требовалось опредѣлить въ точности это запрещеніе особымъ указомъ. Дѣйствительно, правила о семъ изложены въ указѣ 7 сентября 1804 года (3). Но зло такъ сильно укоренилось, что были употребляемы разныя средства, которыми старались затемнить или обойдти законъ. Для совершеннаго пресѣченія чудовищнаго злоупотребленія воспослѣдовали въ 1804 году еще два указа. Первымъ, отъ 18

(1) Замѣтимъ между прочимъ, что Карамзинъ въ своей запискѣ *О древней и новой Россіи*, о которой уже упомянуто выше, оправдываетъ крѣпостное право, считая уничтоженіе его несправедливымъ и вреднымъ. Аргументы его совершенно подобны тѣмъ, которые мы слышали еще недавно, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ сочиненія его записки.
(2) Слова указа 7 сентября 1804.
(3) *Полное Собр. Зак.* т. XXVIII, № 21.442.

ноября, было запрещено совершать на рекрутскія квитанціи купчія крѣпости (1); вторымъ, отъ 5 декабря, повелѣно было не принимать въ зачетъ квитанцій, купленныхъ послѣ запрещенія торговать ими (2). Мѣры эти возбудили неудовольствіе въ тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые занимались этимъ недостойнымъ промысломъ, а другіе сочли для себя обидой законъ, относящійся до злоупотребленій, совершавшихся членами ихъ сословія. Такова часто бываетъ логика людей, проникнутыхъ сословными предразсудками!

Къ 1804 году принадлежитъ и другое твореніе Сперанскаго, свидѣтельствующее также о гуманности его воззрѣній. Мы говоримъ о важномъ законоположеніи, названномъ *Положеніе объ устройствѣ евреевъ*, обнародованномъ 9 декабря (3).

Заботясь объ устройствѣ ввѣренной ему части и исполненіи особо-поручавшихся ему дѣлъ, Сперанскій желалъ притомъ, по возможности, знакомить публику съ дѣйствіями министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя, по самому своему предмету, болѣе чѣмъ распоряженія другихъ вѣдомствъ, должны были возбуждать любопытство русскихъ читателей. Съ этою цѣлію, съ 1804 года, онъ основалъ *Санктпетербургскій журналъ, издающійся отъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, который выходилъ во все время служенія его по этой части, и потомъ до конца 1809 года (4). Тутъ помѣщались, кромѣ множества любопытныхъ статей, многіе офиціяльные документы, министерскіе отчеты и проч. (5). Съ этого времени началось преобразованіе нашего дѣловаго языка, который былъ нерѣдко, даже въ государственныхъ актахъ, тяжелъ, теменъ, неправиленъ (6). Мастерское перо Сперанскаго, постоянно завѣдывавшаго редакціей этого журнала, гдѣ было помѣщено столько собственныхъ его произведеній, послужило образцомъ и для другихъ, и необходимая реформа канцелярскаго слога совершилась.

Въ 1804 году ревностная служба Сперанскаго была награждена пожалованіемъ ему аренды въ Лифляндіи на двѣнадцать лѣтъ (1).

(1) *П. С. З.* № 21.519.
(2) Тамъ же, № 21.543.
(3) Тамъ же, № 21.547.
(4) Журналъ этотъ составляетъ коллекцію изъ 23 частей, in-8°. См. *Роспись Смирдина* № 2029.
(5) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 311.
(6) Тамъ же.

Слѣдующій 1805 годъ прошелъ для Сперанскаго въ такихъ же занятіяхъ, какъ и предыдущій. Изъ замѣчательныхъ законодательныхъ актовъ этого года, написанныхъ имъ, должно указать, по важности ихъ предмета, особенно на слѣдующіе (2). Мая 2 обнародовано было *Предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ* (3), а 8 сентября *Примѣрное положеніе о составленіи рекрутскихъ участковъ* (4).

При громадныхъ трудахъ по службѣ, Сперанскій находилъ время и для занятій литературныхъ. Привыкшій къ труду, онъ и отдыхалъ за трудомъ. Такъ мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство (5), что еще въ 1805 году онъ началъ переводить извѣстное твореніе Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Іисусу Христу* (6). Замѣчательно, что товарищъ и пріятель его П. А. Словцовъ также перевелъ это сочиненіе; но переводъ его не былъ изданъ (7). Оба они высоко цѣнили Ѳому Кемпійскаго, котораго Сперанскій называетъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Словцову: *нашъ добрый Ѳома Кемпійскій*, и приводитъ изъ него цитату (8).

Скажемъ здѣсь кстати, что Сперанскій, чуждый предразсудковъ, былъ человѣкъ истинно-религіозный. Доказательствами тому могутъ послужить: твердость его духа и покорность волѣ Провидѣнія въ бѣдствіяхъ и многія напечатанныя письма его къ дочери, къ Словцову и къ другимъ лицамъ.

Въ 1806 году Сперанскій сталъ управлять второю экспедиціей министерства внутреннихъ дѣлъ, что продолжалось до 19 октября 1807 года (9), и получилъ владимірскій крестъ 3-й степени (10). Репутація его, какъ ученаго администратора и законодателя, была уже повсемѣстна. Въ это время имѣлъ онъ удо-

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 285.
(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.
(3) *Полное Собр. Зак.*, т. XXVIII, № 21.737.
(4) Тамъ же, № 21.906.
(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(6) Этотъ переводъ напечатанъ въ первый разъ въ С.-Петербургѣ, въ 1819 году.
(7) *Москвит.* 1844, № 10, стр. 386.
(8) Тамъ же, стр. 388.
(9) *Слов. Достоп. людей* 1847, ч. III, стр. 285.
(10) Тамъ же.

вольствіе увидѣть особенное изъявленіе чувствъ, внушенныхъ его честною жизнію и полезною дѣятельностію. Въ печати появилась написанная А. Ѳ. Воейковымъ *Сатира къ С... объ истинномъ благородствѣ* (1), начинавшаяся и кончавшаяся панегирикомъ Сперанскому, котораго всѣ узнали подъ буквой С. по портрету его:

Сперанскій, другъ людей, полезный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворянинъ!
Ты славно побѣдилъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость.
Ты свой возвысилъ родъ; твой гербъ, твои чины,
И слава—собственно тобой сотворены;
Твои послѣ тебя наслѣдуютъ потомки
Любовь къ отечеству, не титлы только громки.

Послѣ такого обращенія авторъ вычисляетъ пороки и смѣшныя стороны пустаго, надменнаго барства, чванящагося одною древностію рода, но не поддержаннаго собственными заслугами, которыми прославились на разныхъ поприщахъ: Румянцевъ, Орловъ, Репнинъ, Долгоруковъ, Еропкинъ, Шуваловъ, Муравьевъ, Херасковъ, Державинъ. Далѣе слѣдуютъ доказательства того, какъ нелѣпо гордиться знатностію происхожденія, не имѣя другихъ правъ на общее уваженіе. Піеса заключается слѣдующими стихами:

Межъ тѣмъ, Сперанскій, ты, трудясь, какъ муравей,
Чинъ знатный заслужилъ прилежностью своей;
Твоею доблестью отечество гордится:
Осмѣлится ль съ тобой дворянскій сынъ сравниться,
Который газы лишь и фейерверки жжетъ,
Или на псарнѣ жизнь прекрасную ведетъ?
Сперанскій, ты наукъ, словесности любитель,
Отъ сильныхъ слабому покровъ и защититель;
Ты духомъ дворянинъ! Трудися, продолжай,
Во слѣдъ за Сюллiемъ, за Кольбертомъ ступай;
Не орденской звѣздой, сіяй ты намъ дѣлами;
Превосходи другихъ душою, не чинами;
Монарху славному со славою служи,
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ.

(1) Она явилась въ *Вѣстникѣ Европы*, т. XXIX, 1806 года, № 19, стр. 195. Въ позднѣйшихъ перепечаткахъ этой піесы въ разныхъ сборникахъ, вмѣсто С...., поставлено вымышленное имя: Эмилій.

Императоръ Александръ дѣйствительно счастливо избралъ многихъ людей и умѣлъ отличать ихъ заслуги, употребляя ихъ сообразно ихъ способностямъ, какъ то было съ Сперанскимъ. Въ 1807 году 29-го ноября учрежденъ былъ «комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ» изъ шести членовъ, въ число которыхъ былъ назначенъ Сперанскій. Онъ принялъ самое живое участіе въ дѣлѣ устройства такой части, которая была ему извѣстна по опыту, и не могла не быть ему особенно близка по чувству благодарности къ мѣстамъ перваго его образованія. По мысли Сперанскаго составленъ былъ утвержденный государемъ докладъ комитета о дарованіи церквамъ исключительнаго права продавать въ нихъ восковыя свѣчи,—и это послужило вѣрнѣйшимъ источникомъ средствъ для содержанія духовныхъ училищъ (1). Въ томъ же году Сперанскій получилъ аннинскую ленту (2).

Образъ жизни Сперанскаго въ эти годы былъ самый скромный и почти уединенный. Онъ жилъ въ отдаленной части Петербурга, у Таврическаго сада, цѣлое утро занимался дѣлами, обѣдалъ съ тремя друзьями, которые у него жили, и потомъ до поздней ночи занимался чтеніемъ всего того, что̀ могло ставить его постоянно въ уровень съ современнымъ состояніемъ наукъ, преимущественно философскихъ и политическихъ (3). Но наступила эпоха, когда Сперанскій долженъ былъ оставить свое спокойное уединеніе.

IV.

Въ 1808 году Сперанскій, уже хорошо извѣстный государю, особенно черезъ Кочубея, явился однажды къ Александру за болѣзнію министра внутреннихъ дѣлъ съ докладомъ по его министерству. До этой минуты, Сперанскаго преимущественно считали чрезвычайно полезнымъ редакторомъ и неутомимымъ труженикомъ, не вполнѣ еще зная или оцѣнивая другія, высшія его способности. Докладъ этотъ далъ государю истинное понятіе о необыкновенныхъ дарованіяхъ, свѣтломъ умѣ и знаніяхъ

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144 и *Москвит.* 1855, № 3, стр. 94.
(2) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 285.
(3) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.

Сперанскаго, который привелъ его въ восхищеніе и ловкостію своего доклада и пріятностію чтенія (1). Съ этой минуты Сперанскій сдѣлался лицомъ, приближеннымъ къ особѣ государя. Въ сентябрѣ 1808 года Александръ сбирался ѣхать въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ. Уже при первомъ свиданіи двухъ императоровъ въ 1807 году, въ Тильзитѣ, Наполеонъ успѣлъ очаровать Александра геніяльностію и смѣлостію своихъ политическихъ соображеній и сообщеніемъ ему величественной перспективы будущихъ плановъ, которые онъ замышлялъ, приглашая русскаго государя раздѣлить съ нимъ славу ихъ осуществленія. Александръ плѣнился не только величіемъ этихъ плановъ, но и умѣніемъ Наполеона избирать людей для ихъ исполненія. Государь горѣлъ желаніемъ найдти у себя такихъ же необходимыхъ сотрудниковъ; такимъ призналъ онъ Сперанскаго, хвалясь, что «нажилъ собственнаго Маре» (2), и назначилъ его къ отъѣзду при своей особѣ въ Эрфуртъ для доклада по гражданскимъ дѣламъ (3).

Придворные считали еще Сперанскаго только дѣльцомъ, не полагая, что онъ скоро можетъ сдѣлаться опаснымъ ихъ соперникомъ, а потому хвалили государю новый его выборъ (4). Поѣздка въ Эрфуртъ еще болѣе приблизила его къ императору и убѣдила Александра въ достоинствахъ новаго его любимца. Въ Эрфуртѣ Наполеонъ цѣлый часъ говорилъ съ Сперанскимъ въ присутствіи Александра и сказалъ потомъ государю: «Какого человѣка имѣете вы при себѣ! Я отдалъ бы за него королевство!» (5) Однажды, на балѣ государь спросилъ Сперанскаго: «какъ находитъ онъ чужіе краи въ сравненіи съ Россіей?» Сперанскій отвѣчалъ: «мнѣ кажется, государь, что здѣсь *установленія*, а у насъ *люди* лучше.» Государь съ удовольствіемъ сказалъ на это: «возвратясь домой, мы съ тобой много говорить объ этомъ будемъ» (6). Въ Эрфуртѣ Сперанскій получилъ отъ Наполеона табакерку съ его портретомъ, осыпаннымъ брилліянтами, а отъ короля прусскаго ленту Краснаго Орла (1). Государь пожаловалъ ему орденъ Св. Владиміра 2-й степени (2).

(4) *Москв.* 1843, № 4, стр. 485.

(5) Маре (Maret), герцогъ Бассано, род. 1763, ум. 1839. Онъ былъ статсъ-секретаремъ Наполеона и неотлучнымъ его спутникомъ въ походахъ, во время которыхъ всѣ важныя дѣла проходили черезъ его руки, и имъ писались всѣ важные государственные акты.

(6) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 485.

(7) Тамъ же.

(8) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 286.

(9) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 485.

Въ 1808 году Сперанскій былъ сдѣланъ членомъ двухъ коммиссій: составленія законовъ и разсмотрѣнія лифляндскихъ дѣлъ (3). По возвращеніи изъ Эрфурта, въ октябрѣ того же года, начались тѣ особенныя, можно сказать дружескія, отношенія Сперанскаго къ государю, которыя вскорѣ возбудили во многихъ жестокую зависть. Государь сталъ проводить съ нимъ наединѣ цѣлые вечера, въ чтеніи его проектовъ, бесѣдахъ объ администраціи, законодательствѣ (4) и даже о предметахъ научныхъ и религіозныхъ (5). Декабря 16 Сперанскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи (6). Такимъ образомъ наступилъ 1809 годъ.

Скажемъ прежде всего объ обстоятельствахъ службы Сперанскаго въ этомъ году и затѣмъ уже сообщимъ извѣстія о трудахъ его за это время, которые совершались, такъ сказать, на глазахъ самого государя.

Въ 1809 году Сперанскій былъ пожалованъ въ тайные совѣтники (7), назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ (8), канцлеромъ Абоскаго университета, и ему поручено устройство управленія вновь пріобрѣтенною Финляндіей (9). Онъ содѣйствовалъ сохраненію учрежденій и преимуществъ финляндскихъ, но отказался отъ диплома на финляндское дворянство, предложеннаго ему въ знакъ признательности края (10). Въ коммиссію духовныхъ училищъ, въ которую былъ преобразованъ учрежденный въ 1807 году комитетъ, Сперанскій представилъ проектъ первой части устава академическаго о внутреннемъ управленіи академіей, совершенно одобренный коммиссіей. Продолжать этотъ трудъ Сперанскій не могъ за другими дѣлами, почему онъ и былъ конченъ, по его указаніямъ,

(1) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 286.

(2) Тамъ же, стр. 285.

(3) Тамъ же.

(4) Тамъ же.

(5) Письмо Сперанскаго изъ Перми въ 1813 году, о которомъ говорится ниже.

(6) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 286.

(7) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 292.

(8) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 286.

(9) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 147.

(10) Тамъ же.

калужскимъ архіепископомъ Ѳеофилактомъ; но уставы академій, семинарій и духовныхъ училищъ, были обнародываны только въ 1814 году (1).

Къ этому же году принадлежитъ начало громаднаго труда Сперанскаго по коммиссіи составленія законовъ. Первыя двѣ части его сдѣлались извѣстны въ концѣ слѣдующаго года. Мы говоримъ о гражданскомъ уложеніи, разсмотрѣнномъ въ совѣтѣ и заключавшемъ въ себѣ законы: 1) о правахъ личныхъ и 2) правахъ на имущества (2). Въ послѣдствіи Сперанскій приготовилъ къ разсмотрѣнію и уложенія коммерческое и уголовное (3).

По занятіямъ своимъ въ главномъ правленіи училищъ Сперанскій подалъ полезныя мысли объ улучшеніи способовъ преподаванія и о средствахъ къ приращенію училищныхъ капиталовъ (4).

Въ 1809 году, 6 августа, вышелъ указъ о затрудненіяхъ гражданскимъ чиновникамъ получать чины 5 и 8 классовъ (5). Для производства въ эти чины потребовалось предварительное служеніе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ опредѣленныхъ должностяхъ и выдержаніе особаго экзамена въ предметахъ, приличествующихъ званію гражданскаго чиновника, тѣми, которые не получили ученаго аттестата прежде. Указъ этотъ, въ свое время имѣвшій не одну полезную сторону, произвелъ почти общее неудовольствіе. Первыми его противниками были, разумѣется, тѣ, до которыхъ онъ прямо относился, и тѣ, которые имѣли въ перспективѣ подчиниться ему современемъ. Число тѣхъ и другихъ было огромно, а за ними возстало и общее мнѣніе, обрушившееся сарказмами и ненавистію на Сперанскаго, котораго знали за сочинителя этого указа (6).

Въ концѣ 1809 года, государь утвердилъ еще одно важное законоположеніе, написанное Сперанскимъ и обнародыванное

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же.
(4) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 147.
(5) *Полн. Собр. Зак.*, т. XXX, № 23.771.
(6) Законъ этотъ въ послѣдствіи подвергся многимъ ограниченіямъ. Въ числѣ ихъ было правило о томъ, что отъ экзамена избавлялись чиновники, не имѣвшіе аттестата, но служившіе на Кавказѣ. Многіе, желавшіе получить 8 классъ, отправлялись въ этотъ край, и Кавказъ получилъ отъ того въ шутку названіе: «Кладбище титулярныхъ совѣтниковъ».

1 января 1810 года: «Образованіе государственнаго совѣта и главныхъ началъ, на коихъ онъ учреждается» (1). Это была организація высшаго учрежденія, не имѣвшаго до того времени точныхъ и подробныхъ правилъ. Образованіе государственнаго совѣта 1810 года, съ малыми прибавленіями и измѣненіями, существуетъ до сихъ поръ.

Учрежденіе это, хотя одобренное тогдашними государственными людьми, было также предметомъ жестокихъ нападокъ и сдѣлалось обвинительнымъ пунктомъ противъ Сперанскаго. Противники нововведеній называли образованіе совѣта подражаніемъ французскому, только потому, что въ обоихъ существовало сходное раздѣленіе департаментовъ, основанное на самомъ существѣ предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію совѣта. Другіе даже утверждали, что совѣтъ стѣсняетъ власть государя, несмотря на то, что всѣ дѣла вносились въ совѣтъ лишь по его волѣ и его рѣшеніемъ оканчивались (2).

Такъ прошелъ 1809 годъ. Чтобы показать читателямъ, что дворъ и почести не измѣнили Сперанскаго и не отвлекли его отъ религіозныхъ и философскихъ размышленій, которымъ онъ предавался среди служебныхъ трудовъ своихъ, приводимъ письмо его къ Словцову отъ 5 февраля 1809 года (3).

«Самъ ты видишь, любезный мой страдалецъ, что «трудно противъ рожна прати»; лучше покориться, бросить всѣ замыслы и ничего не надѣяться, не желать и не мыслить, какъ токмо о единомъ. Вѣрь, что Провидѣніе ведетъ тебя особенно: ибо всѣ человѣческіе способы и усилія, противные твоему влеченію, какъ бреніе, сокрушаются. Въ Москвѣ у Ключарева почтдиректора найдешь мое письмо. Совѣтую тебѣ съ нимъ познакомиться; онъ, можетъ-быть, утѣшитъ и нѣсколько подниметъ упадшій твой духъ силой вѣры. Другихъ утѣшеній представить тебѣ не могу: ибо, не взирая на разность положеній, и самъ ихъ не имѣю. Размысли, что̀ ты потерялъ? Случай къ гордости и пищу самолюбія; а болѣе ничего. Много можешь ты мнѣ сказать въ укоризну сихъ совѣтовъ; но истина не относится къ лицу, и я, который тебѣ совѣтую, въ твоемъ положеніи, можетъ-быть былъ бы еще прискорбнѣе и неутѣшнѣе.

(1) *Полн. Собр. Зак.* т. XXXI, 24.064.
(2) Письмо Сперанскаго изъ Перми въ 1813 году.
(3) *Москвит.* 1844, № 10, стр. 389.

Прощай; Богу, вѣрѣ, надеждѣ и любви, Единому Сущему, тебя поручаю.

«О деньгахъ не пекися, долгъ будетъ здѣсь заплаченъ.»

Въ 1810 году, 1-го января, было обнародывано, какъ мы уже сказали, новое образованіе государственнаго совѣта, раздѣленнаго на четыре департамента: законовъ, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и государственной экономіи, а также учрежденныхъ при совѣтѣ: коммиссіи составленія законовъ, коммиссіи прошеній и государственной канцеляріи. Сперанскій назначенъ былъ 10-го августа 1810 (1) государственнымъ секретаремъ съ оставленіемъ товарищемъ министра юстиціи и въ прочихъ должностяхъ. Ближайшими сотрудниками Сперанскаго по должностямъ статсъ-секретарей въ департаментахъ совѣта сдѣлались: Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, Семенъ Агаѳоновичъ Бижеичъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ и Ѳедоръ Ивановичъ Энгель (2). Первый изъ нихъ занималъ важнѣйшее мѣсто по департаменту законовъ и былъ ближайшимъ сотрудникомъ и довѣреннымъ лицомъ Сперанскаго.

По силѣ новаго своего учрежденія, государственный совѣтъ приблизился къ значенію общаго, высшаго министерства (3), а Сперанскій, какъ производитель его дѣлъ, пріобрѣлъ *de facto* вліяніе первенствующаго министра (4). Такое высокое значеніе не могло не увеличить числа его враговъ и должно было еще болѣе ожесточить ихъ противъ Сперанскаго.

Всѣ новыя учрежденія, какъ послѣдовавшія уже, такъ и тѣ, которыя предполагалось осуществить въ послѣдствіи, истекали изъ общаго правила, которое выразилъ государь еще въ началѣ своего царствованія: «послѣ многихъ колебаній правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія» (5). Правило это принялъ Сперанскій за исходный пунктъ всѣхъ работъ, которыя онъ предпринималъ и, можно сказать, производилъ вмѣстѣ съ государемъ. Первою необходимостью было начать преобразованія съ правительственнаго центра, что̀ и произошло при новомъ устройствѣ государственнаго совѣта, такъ какъ государь не хотѣлъ приступить вдругъ къ общей реформѣ, хотя для нея былъ начертанъ цѣлый планъ (1), изъ котораго только немногія части были осуществлены до 1812 года.

(1) *Слов. Достопамятн. людей*, 1847, ч. III, стр. 286.
(2) Свѣдѣнія эти взяты изъ современныхъ адресъ-календарей. Личный составъ совѣта почти не измѣнялся до 1812 года.
(3) *Москвит.* 1842, № II, стр. 147.
(4) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 485.
(5) Письмо Сперанскаго изъ Перми въ 1813 году.

Государственные труды Сперанскаго въ 1810 и 1811 годахъ такъ тѣсно связаны между собою, что мы отступимъ нѣсколько отъ принятаго нами до сихъ поръ порядка, слививши ихъ вмѣстѣ и раздѣливъ ихъ по предметамъ.

I. *Работы кодификаціонныя.* Въ 1810 году Сперанскій былъ назначенъ директоромъ коммиссіи составленія законовъ (2). Множество порученныхъ ему занятій препятствовали дать этому дѣлу тотъ ходъ, который бы онъ желалъ дать ему (3). Мы уже говорили о начертаніи и разсмотрѣніи въ совѣтѣ въ это время двухъ первыхъ частей гражданскаго уложенія; онѣ были произведеніемъ Сперанскаго. Онъ едва ли воспользовался двумя—тремя статьями изъ каждой сотни, составленной въ коммиссіи начальникомъ 1-го отдѣленія (гражданскаго) Г. А. Розенкампфомъ, труды котораго Сперанскій называлъ безобразными компиляціями (4). Третья часть была также приготовлена и требовала только окончательной отдѣлки (5).

II. *Работы по преобразованію высшихъ правительственныхъ мѣстъ.* Мы уже говорили о преобразованіи государственнаго совѣта, которое было началомъ введенія новаго, болѣе стройнаго порядка. Не входя ни въ какія подробности о множествѣ указовъ и распоряженій, изданныхъ въ 1810—11 годахъ, что̀ должно найдти свое мѣсто въ исторіи того времени и въ подробной біографіи Сперанскаго, мы ограничимся указаніемъ двухъ главнѣйшихъ, основныхъ актовъ этого рода, которыхъ исполненіе принадлежитъ Сперанскому.

1) *Манифестъ 25 іюля 1810 года о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія, съ присовокупленіемъ общаго учрежденія министерствъ, раздѣленнаго на а) образованіе министерствъ и б) наказы министрамъ* (6).

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми въ 1813 году.
(2) *Адресъ-календарь* 1811 года.
(3) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же.
(6) *Полн. Собр. Зак.*, т. XXXI, № 24.307.

За неимѣніемъ съ 1802 года подробныхъ учрежденій и инструкцій по министерствамъ, происходили многіе безпорядки и замѣшательства, особенно отъ недостатка точнаго разграниченія и опредѣленія частей, подвѣдомственныхъ министрамъ. По желанію государя, Сперанскій исполнилъ трудъ, много способствовавшій къ устраненію этихъ недостатковъ и къ установленію правильныхъ сношеній мѣстъ и лицъ (1). Онъ же писалъ и наказы всѣмъ министрамъ, составленные во избѣжаніе личныхъ притязаній всякаго рода по каждому вѣдомству (2).

По новому учрежденію возникли два новыя главныя вѣдомства:

а) *Министерство полиціи,* учрежденное по причинѣ несоразмѣрнаго множества предметовъ, принадлежавшихъ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ составѣ послѣдняго оставались три департамента: государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, мануфактуръ и внутренней торговли и почтовый. Министерство полиціи составили также три департамента: хозяйственный, исполнительный и медицинскій (3). Министромъ полиціи былъ сдѣланъ с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ Балашовъ (4).

б) *Главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ* (*контроль*), основанное для порядка въ отчетности. Главноуправляющимъ сдѣланъ былъ тайный совѣтникъ Бальтазаръ Бальтазаровичъ Кампенгаузенъ (5). Въ началѣ, управленіе это входило въ составъ министерства финансовъ. Но указомъ 31-го іюля 1811 государственному контролеру повелѣно было устроить подвѣдомственныя ему счетныя экспедиціи на правилахъ, существовавшихъ для министерствъ (6).

2) Сперанскій приготовилъ также проектъ новаго образованія сената, приведя его въ связь съ учрежденіемъ министерствъ. Онъ былъ уже внесенъ въ совѣтъ, но встрѣтилъ множество возраженій, потому что многіе тогда не понимали несообразностей, происходившихъ отъ введенія новыхъ учрежденій, при

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(2) Тамъ же.
(3) *Адресъ-календарь* 1811 года.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же.
(6) *Полн. Собр. Зак.* т. XXXI, № 24.738.

сохраненіи другихъ старыхъ, имъ противорѣчившихъ. Сперанскій самъ подалъ государю записку о необходимости остановить исполненіе этого проекта, и государь согласился съ его доводами (1). Если мы не ошибаемся, мысль Сперанскаго состояла въ томъ, чтобъ обратить сенатъ исключительно въ высшую судебную инстанцію.

III. *Мѣры финансовыя.* Съ наступленіемъ 1810 года положеніе финансовъ, особенно при постепенномъ упадкѣ курса ассигнацій, представляло самую печальную картину. Сумма ассигнацій простиралась до 577.000.000 рублей (2). Внѣшній долгъ состоялъ изъ 100.000.000 (3). По государственной смѣтѣ расходы должны были простираться до 193.000.000, а доходовъ предполагалось до 127.000.000, слѣдовательно оказывался дефицитъ въ 65.000.000 рублей (4).

Проекты, которые составлялись для пополненія этого недостатка, состояли въ умноженіи ассигнацій, то-есть предлагали лѣкарство, которое было корнемъ самаго зла (5). Тогда, по порученію государя, Сперанскій составилъ свой финансовый планъ, который былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ и внесенъ въ совѣтъ, гдѣ онъ встрѣтилъ горячія возраженія, особенно подъ видомъ опасенія неудовольствій въ народѣ за возвышеніе налоговъ, составлявшее одно изъ главныхъ основаній плана (6). Однако дѣлать было нечего: планъ Сперанскаго восторжествовалъ, и начало приведенія его въ исполненіе ознаменовалось обнародываніемъ манифеста 2-го февраля 1810 года (7). Общія его положенія были слѣдующія: 1) Ассигнаціи признаны государственнымъ долгомъ. 2) Къ прекращенію выпуска ихъ приняты мѣры и 3) Подати и налоги увеличены.

Они были слѣдующіе:

а) Подушныя съ крестьянъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ, возвышены до 2 рублей асс. съ души.

б) Казенные крестьяне кромѣ того облагаются временно, по росписаніямъ губерній, податью въ 3 руб., 2 руб. 50 коп. и 2 руб. асс. съ души.

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(2) *Полн. Собр. Зак.* Т. XXXI, № 24.197.
(3) Финансовый планъ Сперанскаго.
(4) Тамъ же.
(5) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(6) Тамъ же.
(7) *Полн. Собр. Зак.* Т. XXXI, № 24.116.

в) На мѣщанъ временно прибавлено по 5 руб. асс. съ души.

г) Иностранные ремесленники въ столицахъ должны платить: мастера 100 руб. асс., подмастерья 40 руб. асс., ученики 20 руб. асс. въ годъ.

д) На подати съ купеческихъ капиталовъ надбавлено еще ½ процента на рубль.

е) Съ крестьянъ, торгующихъ въ столицахъ, положено взимать по ¼ процента съ капитала, соотвѣтствующаго гильдіи, къ которой каждый можетъ быть отнесенъ, а съ тѣхъ, кто подъ гильдейскія правила не подходитъ, по 25 рублей асс.

ж) Въ столицахъ опредѣлено взимать по ½ процента съ домовъ по существующей оцѣнкѣ.

з) Цѣна соли возвышена отъ 40 коп. до 1 руб. за пудъ.

и) За выплавку мѣди повелѣно взыскивать, кромѣ десятинной подати, по 3 руб. съ пуда.

і) Гербовая бумага значительно повышена въ цѣнѣ.

к) При уплатѣ таможенныхъ податей положено, до изданія новаго тарифа, принимать не 2½ руб. за талеръ, какъ было прежде, но 4 рубля.

Всѣ эти прибавки налоговъ и податей (кромѣ лит. *з* и *і*) постановлено было ввести въ силу съ 1-го января 1810 года, а остальныя со дня полученія манифеста.

Кромѣ того, по манифесту 2-го февраля учреждены во всѣхъ губернскихъ и другихъ большихъ городахъ размѣнныя конторы: 1) для выдачи новыхъ ассигнацій на мѣсто старыхъ и 2) для промѣна безъ роста крупныхъ ассигнацій на мелкія. Цѣлью этого было постепенное уничтоженіе промѣна, за который платили отъ 10 до 20 процентовъ.

За тѣмъ этотъ манифестъ обѣщалъ обнародываніе распорядка государственныхъ приходовъ и расходовъ на 1811 годъ.

Таково было первое проявленіе на дѣлѣ финансоваго проекта Сперанскаго.

Манифестъ 2 февраля 1810 года возбудилъ множество осужденій и послужилъ, въ послѣдствіи, чуть ли не главнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Сперанскаго, который, несмотря на укоры въ столь огромномъ повышеніи податей и налоговъ, оставался при убѣжденіи, что поступить иначе было нельзя, и что это былъ единственный способъ спасти государство отъ банкротства, способъ, которымъ доходы его отъ 125 милл. рублей, менѣе чѣмъ въ два года, дошли до 300 милл. рублей (1). Если можно въ чемъ-нибудь винить Сперанскаго, то конечно только въ томъ, что возвышеніе податей и налоговъ пало всею своею тяжестію на низшіе классы и остановило равномѣрное развитіе народнаго благосостоянія: но было ли возможно Сперанскому дѣйствовать иначе при тогдашней обстановкѣ?

Правительство не остановилось на этомъ манифестѣ, и дальнѣйшія законоположенія 1810 — 11 годовъ доказываютъ, что оно твердо рѣшилось слѣдовать своей системѣ, относительно необходимости замѣнять податями и налогами выпускъ ассигнацій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣло уничтожать.

Къ мѣрамъ перваго рода должно отнести, кромѣ разныхъ частныхъ распоряженій, слѣдующіе три указа, изъ которыхъ второй несомнѣнно принадлежитъ Сперанскому: 28 февраля 1810 года было повелѣно съ крестьянъ, записанныхъ въ городскія званія, взыскивать подати по обоимъ состояніямъ (2). 5 іюля 1811 года на удѣльныхъ крестьянъ наложенъ сборъ по одному рублю, болѣе прежняго, съ души (3). 17 августа 1811 года дворовыхъ людей было приказано приписывать къ городамъ или селамъ для платежа податей (4).

Кромѣ того правительство принимало многія мѣры къ своевременному и строгому взысканію податей, въ точной мѣрѣ числа народонаселенія. Такъ 17 мая 1811 года вышелъ манифестъ о новой народной переписи (5).

Что̀ касается до мѣръ къ прекращенію выпуска ассигнацій и уничтоженію ихъ по возможности, то онѣ состояли въ 1810 году въ слѣдующемъ:

13 апрѣля изданъ былъ манифестъ о преданіи сожженію ассигнацій на 510.900 рублей (6).

29 мая обнародыванъ другой манифестъ объ открытіи внутренняго займа въ 100 милл. рублей ассигнаціями, съ раздѣленіемъ на 5 частей. Для этого утверждены: а) Продажа части государственныхъ имуществъ, служившихъ всегда залогомъ ассигнаціямъ. б) Учрежденіе коммиссіи погашенія долговъ, въ

---

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(2) *Полн. Собр. Зак.*, т. XXXI, № 24.136.
(3) Тамъ же, № 24.708.
(4) Тамъ же, № 24.746.
(5) Тамъ же, № 24.635.
(6) Тамъ же, № 24.197.

вѣдомствѣ которой должны были находиться выручаемыя за эту продажу суммы; въ займѣ этомъ 2 руб. ассигнаціями принимались за 1 руб. серебряный; и в) Сожженіе выкупленныхъ займомъ ассигнацій (1).

19 декабря состоялось повелѣніе объ отсылкѣ въ означенную коммиссію ассигнацій, поступающихъ въ банкъ и государственное казначейство, для превращенія ихъ въ облигаціи (2).

Другимъ важнымъ финансовымъ дѣломъ было преобразованіе монетной системы, сдѣлавшееся неизбѣжнымъ, послѣ того какъ ассигнаціонный рубль потерялъ три четверти своего первоначальнаго достоинства. Для этого былъ изданъ манифестъ 20 іюня 1810 года (3). Въ немъ было повелѣно: а) Монетною единицей признавать серебряный рубль лигатурнаго серебра $83\frac{1}{3}$ пробы, такъ чтобы изъ 5 фунтовъ 6 золотн. серебра выходило 100 рублей. б) Монету раздѣлить на банковую и торговую, или рубль и полтину, размѣнную серебряную въ 20, 10 и 5 копѣекъ и размѣнную мѣдную въ 2, 1 и $\frac{1}{2}$ копѣйки. в) Ускорить и усилить выпускъ серебряной монеты. г) Мѣдную монету перелить по новымъ образцамъ. д) Всякую переливку ея частнымъ людямъ запретить.

Въ законодательствѣ торговомъ воспослѣдовалъ 19 декабря 1810 года манифестъ о нейтральной торговлѣ морской и сухопутной по западной границѣ (4). Это новое законоположеніе имѣло цѣлію прекращеніе роскоши, сокращеніе привоза товаровъ и поощреніе внутренняго труда и промышленности. Въ связи съ нимъ находится «Учрежденіе таможеннаго управленія по Европейской Россіи» съ новымъ запретительнымъ тарифомъ, изданное 24 іюня 1811 года (5).

М. Лонгиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

(1) *Полн. Собр. Зак.*, № 24.244.
(2) Тамъ же, № 24.465.
(3) Тамъ же, № 24.264.
(4) Тамъ же, № 24.464.
5) Тамъ же, № 24.684.

ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ[1]

(1772—1839)

V.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разказу о событіяхъ, которыя произвели внезапный переворотъ въ судьбѣ Сперанскаго, мы должны сдѣлать отступленіе и упомянуть, хотя вкратцѣ, о трудѣ его, оставшемся въ рукописи. Мы говоримъ о его проектѣ государственной организаціи. Проектъ этотъ, безъ сомнѣнія, не можетъ возбуждать полнаго сочувствія: въ немъ много искусственнаго, и очень замѣтно вліяніе наполеоновскихъ идей. Но онъ представляетъ нѣкоторыя черты, или, лучше сказать, нѣкоторыя политическія мысли, характеризующія Сперанскаго какъ политическаго мыслителя, и оправдываетъ его отъ обвиненій въ демократизмѣ. Наши понятія о Сперанскомъ были бы не полны, еслибъ отъ него не осталось этого рукописнаго труда.

---

(1) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 19.

Во всякомъ государствѣ Сперанскій различаетъ двѣ формы правленія: внѣшнюю, состоящую изъ хартій, конституцій и проч., которыя опредѣляютъ офиціяльно отношенія силъ государства другъ къ другу, и внутреннюю, состоящую въ такомъ правильномъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна не могла взять верхъ надъ другою.

Первая форма не имѣетъ существеннаго значенія; при самой либеральной внѣшности, народъ можетъ быть въ порабощеніи, и наоборотъ. Правленіе Рима при цезаряхъ было деспотическое, несмотря на республиканскія формы. Англія пользуется полною свободой, оставаясь монархіей. Дѣло въ томъ, что если сила правительства при новыхъ формахъ остается прежнею, то ничто въ государствѣ не измѣнится.

Вторая, внутренняя форма, основывается на живыхъ силахъ народнаго быта. И та и другая имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ своей силы — народъ. Онъ силенъ, когда прекратилась борьба разныхъ сословій, и всѣ они стали единодушны. Но ему тогда необходимы руководители просвѣщенные, независимые и преданные общимъ интересамъ. Отсюда раздѣленіе народа на два класса: высшій и низшій, различные по видимости, но неразрывно связанные въ сущности общими выгодами.

Идеаломъ высшаго класса была для Сперанскаго англійская аристократія; онъ считалъ нѣчто подобное возможнымъ въ Россіи и предлагалъ *возстановить* право первородства для лицъ первыхъ четырехъ классовъ. Но первенство этого высшаго класса не должно было основываться на гражданскихъ привилегіяхъ. По мнѣнію Сперанскаго, никакое сословіе не можетъ имѣть исключительныхъ правъ на какую-нибудь собственность, но всѣ подданные должны быть обезпечены въ обладаніи тѣмъ, что они пріобрѣли.

Онъ считаетъ дробное раздѣленіе народа на нѣсколько сословій мечтательнымъ, взаимныя отношенія сословій ведущими къ борьбѣ между ними, при чемъ совершенно затрудняются успѣхи просвѣщенія и законности.

Отмѣну крѣпостнаго права, которое Сперанскій признаетъ противнымъ здравому смыслу и зломъ, по необходимости, временнымъ, полагаетъ онъ раздѣлить на два періода:

Въ первомъ должны быть опредѣлены работы, которыхъ помѣщики въ правѣ требовать отъ крестьянъ, при чемъ установляются особые суды для разбора взаимныхъ ихъ притязаній. Тутъ крестьяне явятся уже только, какъ *glebae adscripti*. Этому

можетъ содѣйствовать: обращеніе подушной подати въ поземельную, означеніе въ купчихъ и другихъ актахъ не числа душъ, а количества земли, и т. п.

Ко второму періоду должны относиться нѣкоторыя второстепенныя распоряженія, и послѣ нихъ крестьянамъ должно быть возвращено древнее право перехода отъ одного помѣщика къ другому, чѣмъ и совершится окончательное ихъ освобожденіе.

Устройство органовъ законодательной, судебной и административной власти едвали не самая слабая часть въ проектѣ Сперанскаго. Отъ природы организаторъ, онъ черезчуръ уже заботился о симметріи. Для законодательства, суда и администраціи онъ думалъ устроить отдѣльные органы, начиная съ самой низшей степени, степеней же предлагалъ четыре: государство, губернія, уѣздъ, волость. Въ каждой волости онъ хотѣлъ открыть по окружному городу и въ каждомъ окружномъ городѣ учредить отдѣльные органы по законодательной, судебной и административной части. Можно подивиться, отчего, размышляя о сооруженіи своего многоэтажнаго зданія, и допуская четырехстепенныя раздѣленія и подраздѣленія государственнаго тѣла, Сперанскій не обратилъ вниманія на самое естественное раздѣленіе государства, основанное на исторіи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что, какъ онъ самъ говоритъ, государство обширное должно, кромѣ обыкновенныхъ губерній, заключать въ себѣ области, то-есть такіе края, которыя, по пространству и числу жителей, не могутъ быть вполнѣ подчинены общей системѣ управленія. Но эти области, края, или какъ у насъ прежде говорилось, *земли* не играютъ никакой роли въ томъ устройствѣ, которое предполагалъ для Россіи Сперанскій.

Изъ предположеній относительно губернской администраціи считаемъ не лишнимъ привести слѣдующее: по проекту Сперанскаго, губернское правленіе и казенная палата соединяются въ одно губернское правительство, раздѣленное на экспедиціи; кромѣ того въ губерніи существуетъ губернскій совѣтъ, котораго члены избраны изъ мѣстныхъ поземельныхъ собственниковъ, безъ различія состояній: онъ собирается одинъ разъ въ годъ, и губернаторъ представляетъ ему финансовый отчетъ по губерніи за прошедшій годъ и такой же планъ на будущій, на основаніи котораго совѣтъ распредѣляетъ подати и налоги.

Послѣ этихъ замѣчаній, приступаемъ къ разказу о борьбѣ Сперанскаго съ своими противниками. Мы говорили уже о томъ, что при началѣ возвышенія Сперанскаго, многіе не счи-

тали его опаснымъ себѣ соперникомъ и даже одобряли выборъ государя. Сперанскаго считали полезнымъ человѣкомъ, потому что онъ принималъ на себя трудную работу, которая была не по вкусу людямъ, привыкшимъ пользоваться одними лишь благами жизни. Но такое положеніе дѣлъ не могло продолжаться, особенно когда увидѣли необыкновенную милость къ нему государя и исключительное вліяніе, которое Сперанскій пріобрѣлъ на государственныя дѣла. Число его недоброжелателей росло въ ужасающей степени. Въ числѣ ихъ были завистники, личные непріятели, противники нововведеній, искренніе, и по разчету, оскорбленные аристократы, крайніе лже-патріоты и алармисты. Такъ какъ они принадлежали къ высокой общественной сферѣ, то мнѣнія ихъ не могли не имѣть вѣса въ публикѣ; за ними увлеклись ихъ кліенты, родственники, нувеллисты, люди, которые готовы порицать что бы то ни было, наконецъ, легкомысленная, робкая и не свѣдущая толпа, такъ что укоры Сперанскому едвали не начали даже распространяться между народомъ.

Если разсмотрѣть теперь современныя свидѣтельства объ обвиненіяхъ, которыми осыпали Сперанскаго, нельзя не изумиться громадѣ клеветъ, распущенныхъ на человѣка, безъ сомнѣнія иногда ошибавшагося, но исполненнаго чистыхъ намѣреній, благородныхъ стремленій къ пользѣ отечества, и посвящавшаго ему всю свою жизнь и всѣ свои дѣйствительно великія дарованія. Говорили, что Сперанскій измѣнилъ Россіи и купленъ Франціей, что онъ якобинецъ, масонъ, находится въ связяхъ съ иллюминатами, что цѣль его разстроить государство, возбудить налогами неудовольствіе въ народѣ, что онъ для этого умышленно разстраиваетъ финансы, разоряетъ торговлю, раздражаетъ дворянъ и чиновниковъ, унижаетъ Россію, поддерживая древнія учрежденія Финляндіи, порицаетъ правительство, презираетъ все національное, обманываетъ государя насчетъ порученныхъ ему работъ. Религіозность Сперанскаго обратилась въ ханжество, радушіе—въ лицемѣріе, достоинство его поведенія—въ эгоизмъ и гордость, доходившую будто бы до самопоклоненія, которое онъ питалъ самъ къ себѣ какъ къ существу высшему, такъ сказать, посвященному въ тайны судебъ Провидѣнія. Можно себѣ представить, сколько подробностей должно было развиться на такія обширныя и разнообразныя темы.

Противорѣчія, высказывавшіяся въ этомъ случаѣ, объясняются тѣмъ, что обвиненія эти образовались въ разныхъ категоріяхъ враговъ Сперанскаго, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Они старались болѣе всего слѣдовать системѣ устращенія и рисовать яркими красками неудовольствіе и ропотъ народа, неизбѣжные, по ихъ словамъ, при исполненіи плановъ, которые представлялъ Сперанскій (1), и которые, надобно прибавить, могли быть тѣмъ легче дурно истолкованы, что были принимаемы только мѣры отдѣльныя, и весь его планъ не былъ извѣстенъ (2).

Нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій, встрѣчавшій на каждомъ шагу затрудненія по дѣламъ государственнымъ со стороны тѣхъ, которые должны были бы ему содѣйствовать, огорчаемый безпрестанно распускаемыми о немъ клеветами, о которыхъ онъ не могъ не знать, не былъ въ состояніи воздерживаться отъ выраженія своего негодованія. Оно изливалось иногда на людей сильныхъ, и вотъ новая пища для недоброжелательства.

При этомъ должно вспомнить, что политическій горизонтъ Европы омрачался все болѣе и болѣе. Самъ же Сперанскій не имѣлъ никакой поддержки при дворѣ, кромѣ своихъ достоинствъ и познаній. Говоря въ послѣдствіи о своемъ несчастіи, онъ прибавлялъ: «Еслибы я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца (3).»

Главные недоброжелатели Сперанскаго въ Петербургѣ занимали высокія мѣста и имѣли огромный вѣсъ въ обществѣ. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ былъ предсѣдателемъ военнаго департамента въ государственномъ совѣтѣ; по характеру и убѣжденіямъ, онъ не могъ не ненавидѣть человѣка гуманнаго, ученаго и либеральнаго, каковъ былъ Сперанскій. Почти то же можно сказать о министрѣ полиціи и петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ Александрѣ Дмитріевичѣ Балашовѣ. Предсѣдатель коммиссіи финляндскихъ дѣлъ (4), баронъ (въ послѣдствіи графъ) Густавъ Максимовичъ Армфельдъ, генералъ отъ инфантеріи, поступившій въ русскую службу изъ швед-

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(2) Тамъ же.
(3) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 343.
(4) См. *Адресъ-кал.* 1812 года.

ской въ 1811 году (1), какъ мы полагаемъ, могъ не любить Сперанскаго по аристократическимъ предразсудкамъ и можетъ-быть за вмѣшательство его въ распоряженія по финляндскимъ дѣламъ. Министръ финансовъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (въ послѣдствіи графъ) нападалъ на Сперанскаго за сокращеніе штатовъ и департаментовъ министерства финансовъ, за ограниченіе произвола въ расходованіи суммъ по министерствамъ, за доказанную несвоевременность финансовыхъ мѣръ, которыя были предлагаемы отъ имени министра (2). Были и другіе враги Сперанскаго, высоко стоявшіе въ чиновномъ мірѣ. Изъ второстепенныхъ должно особенно упомянуть о подчиненномъ Сперанскаго, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Густавѣ Андреевичѣ Розенкампфѣ, начальникѣ перваго отдѣленія коммиссіи составленія законовъ, который не любилъ нововведеній Сперанскаго и сдѣлался ближайшимъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Сперанскаго для его ниспроверженія. Можно себѣ представить, какъ много было у нихъ одномышленниковъ въ петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ, преимущественно занятомъ личными видами на служебныя выгоды.

Совсѣмъ другой характеръ имѣла оппозиція Сперанскому въ Москвѣ, гдѣ могла проявиться извѣстная самостоятельность сужденія уже потому, что въ Москвѣ по большей части проживаютъ люди, независимые отъ служебныхъ отношеній. Дурны ли, хороши ли московскіе толки, но они происходятъ изъ другихъ менѣе корыстныхъ и болѣе невинныхъ источниковъ. Въ нихъ скорѣе слышно слово жизни, такъ какъ Москва есть средоточіе обитателей всей центральной Россіи, привозящихъ въ нее извѣстія о томъ, каковы на мѣстѣ результаты нѣкоторыхъ распоряженій, дѣлаемыхъ въ Петербургѣ, a priori и на бумагѣ. Такъ было и въ дѣлѣ Сперанскаго. Хотя Москва и была тогда мѣстомъ пребыванія падшихъ вельможъ, празднаго барства и всякаго рода старовѣровъ, которые нападали на нововведенія Сперанскаго исключительно во славу предразсудковъ, злоупотребленій и мраколюбія, но въ ней жила тогда наша литература, въ ней слышались и голоса искренніе, и мнѣнія людей, испытавшихъ на дѣлѣ неудобства нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій. Въ Москвѣ, какъ и всегда, оказалось болѣе живыхъ элементовъ, чуждыхъ мелкаго разчета и формалистики. Это лучше всего доказывается именами людей, возстававшихъ тамъ на Сперанскаго. Еще болѣе доказывается это средствами, которыя они употребляли для ниспроверженія кредита Сперанскаго. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ враги его работали глухо во мракѣ и сплетали интриги, въ Москвѣ нашлись люди, которые прямо и откровенно высказали свое, быть-можетъ, ложное, но во всякомъ случаѣ искреннее убѣжденіе.

(1) *Росп. родосл. книга* князя П. В. Долгорукова, ч. III, стр.
(2) Письмо Сперанскаго изъ Перми.

Люди эти были: Карамзинъ и Ростопчинъ.

Карамзинъ, какъ извѣстно, жилъ въ то время съ семействомъ въ Москвѣ, исключительно посвятивъ себя съ 1803 года, трудамъ по своей *Исторіи Государства Россійскаго*, этому безсмертному литературному памятнику Александровской эпохи. Въ началѣ 1810 года государь былъ въ Москвѣ и при общемъ пріемѣ, при дворѣ, сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ, чѣмъ и ограничилось на этотъ разъ личное его знакомство съ исторіографомъ (1). Однако государь узнавалъ въ Петербургѣ о ходѣ его труда отъ друзей его, особенно отъ извѣстнаго поэта И. И. Дмитріева, бывшаго въ то время министромъ юстиціи. Онъ хотѣлъ показать Карамзину знакъ своего особеннаго вниманія, и въ томъ же году, 1-го іюля, Карамзинъ получилъ Владимірскій орденъ 3 степени (2), а въ октябрѣ чинъ коллежскаго совѣтника (3). Во время пребыванія двора въ Москвѣ достоинства Карамзина были оцѣнены сестрой государя, принцессой Ольденбургскою Екатериной Павловной, женщиной, которой плѣнительная наружность была истиннымъ выраженіемъ ея свѣтлаго ума и высокой души (4). Великая княгиня жила тогда въ Твери, гдѣ ея супругъ, принцъ Георгъ, имѣлъ постоянное пребываніе, какъ главный директоръ путей сообщенія. Любимая сестра государя имѣла въ Твери свой небольшой дворъ, о которомъ всѣ бывшіе тамъ вспоминаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ: такъ одушевлялся онъ присутствіемъ великой княгини. Она пригласила Карамзина посѣтить ее въ Твери, и еще въ февралѣ 1810 года онъ провелъ тамъ шесть дней и читалъ отрывки изъ своей исторіи ей и гостившему у нея цесаревичу

(1) *Атеней*, 1858, ч. III, стр. 478.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же, стр. 479.
(4) Въ послѣдствіи она была супругой короля виртембергскаго.

Константину Павловичу (1). Въ декабрѣ 1810 года Карамзинъ опять ѣздилъ въ Тверь на пять дней (2), а въ февралѣ 1811 на двѣ недѣли (3). Восхищенная умомъ и познаніями Карамзина, великая княгиня хотѣла, чтобъ исторіографъ изложилъ для государя размышленія свои о Россіи, которыя были плодомъ многолѣтнихъ изученій нашего прошедшаго. Съ другой стороны она возбуждала въ государѣ желаніе лично сблизиться съ Карамзинымъ. Въ началѣ апрѣля 1811 года Карамзинъ получилъ отъ И. И. Дмитріева письмо, въ которомъ другъ его извѣщалъ его, что государь ѣдетъ въ Тверь и желаетъ тамъ съ нимъ видѣться (4). Карамзинъ спѣшилъ исполнить волю императора и желаніе великой княгини. Онъ привезъ въ Тверь нарочно сочиненную записку *О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніи* и отдалъ ее великой княгинѣ, которая, прочтя ее, нашла ее слишкомъ смѣлою, но рѣшилась при случаѣ передать ее государю. Государь пріѣхалъ и осыпалъ Карамзина милостивыми словами. Изъ «посвященія» исторіи извѣстно, съ какимъ участіемъ слушалъ государь чтеніе отрывковъ изъ нея. Но черезъ нѣсколько дней, говорятъ, обращеніе его съ Карамзинымъ сдѣлалось холоднымъ; онъ прочелъ записку и былъ непріятно пораженъ ею; въ ней слишкомъ ясно высказывалось порицаніе всей политической системы государя, и было много личныхъ намековъ противъ Сперанскаго. Однако Александръ былъ достоинъ слышать голосъ честнаго, глубокаго убѣжденія, какъ бы онъ ни былъ рѣзокъ и ошибоченъ. Государь побѣдилъ въ себѣ невольное чувство неудовольствія, обласкалъ опять Карамзина и на прощаньи звалъ его въ Петербургъ и предлагалъ квартиру въ Аничковскомъ дворцѣ (5). Когда Карамзинъ попросилъ великую княгиню о возвращеніи записки своей, она отвѣчала, что «записка въ другихъ рукахъ». У Карамзина не осталось и копіи, и до 1826 года записка пропадала (6).

---

(1) *Атеней*, 1858, ч. III, стр. 476.
(2) Тамъ же, стр. 479.
(3) Тамъ же, стр. 480.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же.
(6) Отрывки изъ этой *Записки* напечатаны были въ *Современникѣ* 1837 года, т. V, стр. 89. Теперь есть надежда, что мы скоро увидимъ въ печати весь этотъ важный, теперь уже чисто-историческій документъ, который будетъ, какъ говорятъ, изданъ однимъ изъ ученѣйшихъ знатоковъ отечественной исторіи.

Карамзинъ начинаетъ свою *Записку* краткимъ очеркомъ исторіи до-петровской Руси. Очеркъ этотъ заключаетъ въ себѣ изложеніе того же взгляда, который проведенъ по всей *Исторіи Государства Россійскаго.* По призваніи Варяговъ, черезъ сто лѣтъ единовластіе возвеличиваетъ Русь славными войнами и основаніемъ городовъ, при чемъ христіанство смягчаетъ нравы Русскихъ. Такимъ образомъ слагается въ XI вѣкѣ самое обширное изъ государствъ того времени. Къ несчастію, удѣльная система порождаетъ усобицы, ослабившія Русь, которая теряетъ уваженіе сосѣдей, а князья лишаются любви своихъ подданныхъ, подвергающихся притѣсненіямъ властителей, имѣющихъ въ виду одни личныя свои выгоды. Въ такомъ положеніи Батыю не трудно сокрушить государство. Русь испытываетъ всѣ ужасы татарскаго владычества, покорившаго ея сѣверъ, между тѣмъ какъ югъ завоевывается Литвой. Но, къ счастію, съ XIV вѣка возникаетъ Москва; Іоаннъ Калита дѣлается собирателемъ земли Русской; мудрой системѣ его слѣдуютъ его преемники; Русь оживляется и обогащается, при чемъ удѣлы ея на сѣверѣ опять сливаются въ одно цѣлое. Новгородъ, Тверь, Псковъ, Рязань входятъ въ составъ государства, части котораго не только соединяются, но и связываются между собой. Владѣнія его расширяются покореніемъ Казани, Астрахани и Сибири. Въ гражданскомъ бытѣ, при дворѣ, въ нравахъ является смѣсь обычаевъ восточныхъ и западныхъ, которую Русскіе считаютъ своею народною собственностію. Россія, усвоивавшая себѣ великія открытія въ области наукъ, начинаетъ дѣлать успѣхи на новомъ поприщѣ. Иностранныя державы ищутъ дружбы Россіи, которая начинаетъ войны только по необходимости, обращая вниманіе преимущественно на устройство своихъ внутреннихъ дѣлъ. Іоанны III и IV издаютъ сборники законовъ; учреждается земское войско. Народъ, чувствуя пользу самодержавія, забываетъ свои вѣча, своихъ сановниковъ и не жалѣетъ о нихъ при новомъ ходѣ дѣлъ. Въ рукахъ преступнаго Годунова, желавшаго заглушить укоры совѣсти и пріобрѣсти любовь народа мягкостію правленія, ослабляются бразды самодержавія, но его не уважаютъ и не любятъ, и онъ гибнетъ. Самозванецъ встрѣченъ радостно, но нововведенія и неуваженіе къ старинѣ губятъ его. Шуйскій, котораго власть ограничена властолюбивыми боярами, не можетъ прекратить смуты, и паденіе его также совершается. Россія боится избрать на царство единоземца, и царемъ дѣлается

Владиславъ, при чемъ начинается свирѣпствованіе Поляковъ. Мининъ и Пожарскій спасаютъ отечество. Россія избираетъ въ цари Михаила, избѣгая властителя изъ Рюриковичей, который былъ бы орудіемъ крамолъ родственниковъ своихъ. При Романовыхъ оказывается необходимость преобразованій при большей сложности государственнаго механизма. Учреждаются приказы, является уложеніе. Россія возвращаетъ нѣкоторыя потерянныя области и сближается съ опередившею ее Европой. Карамзинъ прибавляетъ: «Мы заимствовали, но какъ бы не хотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.»

Главная мысль Карамзина въ этомъ очеркѣ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась мудрымъ самодержавіемъ.»

Дальнѣйшее изложеніе событій въ *Запискѣ* Карамзина нѣсколько подробнѣе. Взглядъ его на Петра извѣстенъ. Онъ признаетъ въ немъ великаго человѣка, твердо упрочившаго власть самодержавную и доказавшаго свою геніальность: воинскими подвигами, многими законоположеніями, введеніемъ искусствъ и наукъ, умѣньемъ выбирать людей, наконецъ самими ошибками своими, которыя носятъ въ себѣ печать такой силы, что многія изъ нихъ нельзя было бы потомъ и исправить. Но Карамзинъ упрекаетъ Петра за униженіе Русскихъ и прежнихъ ихъ обычаевъ, за разъединеніе высшаго класса и низшаго, за введеніе многихъ иностранныхъ учрежденій и чиновъ, за ослабленіе семейныхъ связей, за водвореніе начала космополитизма, за желаніе сдѣлать Россію Голландіей, за строгость казней, за униженіе духовенства, за постройку новой столицы. Однако самодержавіе, говоритъ онъ, сдѣлалось необходимостью и послѣ владычества временщиковъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II, послѣ попытки ограничить власть Анны, принципъ его восторжествовалъ. Анна хотѣла править согласно съ мыслями Петра и достроить начатое имъ и послѣ него поврежденное уже зданіе. Ея царствованіе было ознаменовано полезными дѣяніями на поприщѣ военномъ и политическомъ, но части гражданская и законодательная остались въ упадкѣ, а безполезныя жестокости Бирона омрачили ея память. Елизавета, возведенная на престолъ при кликахъ: «смерть иноземцамъ!» царствовала счастливо; любимцами ея были по большей части люди добрые; сенатъ былъ возстановленъ, войны велись удачно, просвѣщеніе распростра-

нялось, вкусъ образовывался, и Русскіе хвалили ея правленіе, несмотря на корыстолюбіе графа П. И. Шувалова, на многія монополіи и на существованіе пытки и тайной канцеляріи, все еще грозной, хотя и менѣе прежняго ужасной. Екатерину II Карамзинъ называетъ второю образовательницей Россіи послѣ Петра. При ней власть смягчилась безъ ущерба своей силѣ, а духъ рабскаго страха исчезъ, и Русскіе пріучались безбоязненно мыслить, писать, говорить. Она умѣла избирать людей и заставить ихъ бояться не казней, а одной ея немилости. Такимъ образомъ Россія была спокойна и процвѣтала успѣхами знаній и разума. Главныя отрасли законодательства были исправлены Екатериной, а внѣшняя политика и воинскія предпріятія вѣка ея вознесли Россію на высокую степень. Дворянство служило безъ принужденія, привлекаемое однимъ честолюбіемъ, чѣмъ утвердилась зависимость дворянства отъ трона. Недостатки царствованія Екатерины были слѣдующіе: развращеніе нравовъ—въ высшемъ классѣ отъ примѣра двора, въ низшемъ—отъ умноженія питейныхъ домовъ; правосудіе не процвѣтало. Законы, основанные на идеалахъ умозрительнаго совершенства, отличались блескомъ, но не основательностію, и потому часто не могли быть исполняемы. Иностранцы завладѣли воспитаніемъ. Вельможи часто обманывали государыню. Послѣдніе годы ея жизни заслуживали болѣе осужденія, чѣмъ похвалы. Несмотря на все это, время Екатерины было счастливѣйшимъ временемъ для Русскихъ. Конецъ этой части *Записки* Карамзина заключаетъ въ себѣ разсужденіе о томъ, что лучше переносить съ терпѣніемъ тяжелое бремя и видѣть въ немъ дѣйствіе небеснаго гнѣва, чѣмъ стараться избѣгать его бѣдственными заговорами, которыми такъ богата наша исторія въ прошедшемъ вѣкѣ.

Приступая къ обозрѣнію послѣднихъ десяти лѣтъ, Карамзинъ спрашиваетъ у себя: «Какое имѣю право? Любовь къ отечеству и монарху; нѣкоторыя, можетъ-быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мной въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, то-есть въ ихъ твореніяхъ. Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ испытать великодушіе Александра и сказать, что̀ мнѣ кажется справедливымъ и что̀ нѣкогда скажетъ исторія.»

Сначала Карамзинъ описываетъ состояніе двухъ главныхъ партій, существовавшихъ при воцареніи Александра, и о которыхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Опасаясь слишкомъ смѣлыхъ политическихъ нововведеній, онъ силится доказать

государю, что онъ даже не въ правѣ измѣнить коренные законы Россіи ихъ ограниченіемъ. Отдавая полную справедливость необыкновеннымъ достоинствамъ государя, авторъ говоритъ однако, что неудовольствіе царствуетъ и въ хижинахъ, и въ палатахъ. Причины тому—несчастныя обстоятельства Европы и ошибки внутренняго управленія. Слѣдуетъ политическая картина Европы въ 1801 году. Первою ошибкой было то, что мы угождали Бонапарту въ дѣлахъ германскихъ, гдѣ могли бы дать дѣлу другое направленіе, и въ то же время раздражали консула мелочами. Второю—заступничество за Австрію, безъ всякой надежды на собственныя выгоды, и потери, отъ того происшедшія. Третьею—тильзитскій миръ, гдѣ пользы Россіи были забыты, и мы должны были разорвать связи съ Англіей, начать войну съ Швеціей, и содѣйствовать упроченію силы Франціи. Слѣдствіемъ этого были: завоеваніе Финляндіи, ненависть Швеціи, умноженіе ассигнацій, дороговизна и ропотъ. Между тѣмъ союзъ съ Наполеономъ все-таки не могъ быть прочень, несмотря на жертвы съ нашей стороны.

Переходя къ дѣламъ внутреннимъ, Карамзинъ показываетъ себя сторонникомъ партіи, желавшей становленія нѣсколько исправленнаго порядка екатерининскихъ временъ. Онъ не считаетъ нужнымъ верховные и государственные совѣты, кабинеты и тому подобныя учрежденія посредствующія, и полагаетъ, что достаточно одному сенату возвратить его прежнія права и значеніе. Публика, говоритъ онъ, не понимала пользы учрежденія государственнаго совѣта и министерствъ и видѣла въ нихъ только узаконеніе произвола безъ видимой пользы. Выходитъ проектъ наказа министрамъ, и въ немъ находятъ только нѣсколько словъ о главномъ дѣлѣ, а все остальное посвящено объясненію пустыхъ формальностей науки письмоводства, которыми славятся *наши новые законодатели*. Въ проектѣ заключаются правила вредныя, напримѣръ о томъ, что министръ не скрѣпляетъ указовъ, имъ неодобряемыхъ, или разсужденія голословныя, напримѣръ объ отвѣтственности министра за превышеніе власти и за неотвращеніе зла законными способами, тогда какъ предѣлы этой власти не опредѣлены, а законные способы съ точностію не указаны. Новое зло всегда чувствительнѣе стараго, привычнаго; вотъ почему въ Россіи легче сносили недостатки прежняго управленія, чѣмъ недостатки, оказавшіеся при послѣднихъ преобразованіяхъ. Главныя неудовольствія происходятъ у

насъ отъ любви правительства къ такимъ государственнымъ преобразованіямъ, при которыхъ сущность остается прежняя, но мѣняются имена и формы, способствующія болѣе и болѣе развитію необузданности произвола.

Послѣ этого Карамзинъ переходитъ къ важнѣйшимъ изъ частныхъ государственныхъ постановленій.

Въ 1806 году учреждена милиція изъ 600 тысячъ человѣкъ, для которыхъ не было заготовлено ни оружія, ни продовольствія, ни управленія. Армія не получила почти никакого подкрѣпленія, и заключенъ былъ тильзитскій миръ. Милицію распустили, произведя только ропотъ, умноживши пьянство и остановя надолго сельскія работы. Легче было собрать 150 тысячъ рекрутовъ.

Милліоны употреблены для основанія университетовъ, гимназій и школъ. Но у насъ есть профессора и нѣтъ учениковъ, а если и есть, то они не понимаютъ языка своего профессора. У насъ невозможно германское университетское устройство, потому что нѣтъ потребности въ адвокатахъ, пасторахъ и проч. Программы курсовъ самыя обширныя, а съ трудомъ находится русскій учитель, и въ цѣлой Россіи едвали есть сто человѣкъ, знающихъ правописаніе, отъ чего пишутъ безсмыслицы даже въ важнѣйшихъ актахъ. Профессора отвлекаются отъ ученыхъ занятій дѣлами по хозяйственной части заведеній и безполезными разъѣздами для осмотра училищъ. Лучше всего приступить къ улучшенію гимназій и умноженію въ нихъ числа казенныхъ воспитанниковъ.

Указъ объ экзаменахъ на чины 8 и 5 классовъ и вреденъ и произвелъ сильное неудовольствіе. Къ чему предсѣдателю палаты Гомеръ и Ѳеокритъ, а секретарю химія? *Между тѣмъ, самъ авторъ указа дѣлаетъ грамматическія ошибки.* Люди честолюбивые, но честные, будутъ выходить, вслѣдствіе этого указа, въ отставку, а корыстолюбцы останутся на службѣ. Отъ человѣка въ лѣтахъ нельзя требовать новыхъ условій, которыхъ не было при поступленіи его на службу. Гораздо лучше у начинающихъ службу требовать университетскіе аттестаты, особенно по наукамъ, относящимся къ роду ихъ будущей дѣятельности.

Указъ о запрещеніи продажи и купли рекрутовъ оскорбилъ дворянъ и привелъ въ отчаяніе зажиточныхъ крестьянъ. Люди дурныхъ помѣщиковъ счастливѣе въ полку, чѣмъ дома, а порочные иногда исправляются. Невозможность избѣжать рекрут-

ства, умножаетъ пьянство. Не лучше ли было бы строго слѣдить за извергами, которые безчеловѣчно и беззаконно торгуютъ своими крестьянами, и наказывать такія злоупотребленія, а не вовсе уничтожать обычай необходимый и въ извѣстныхъ размѣрахъ не противный нравственнымъ законамъ? Карамзинъ вообще не признавалъ важности законовъ и возлагалъ надежды свои на то, чтобы правительство слѣдило, дѣйствовало и наказывало своею властію.

Правительству приписывали намѣреніе освободить крестьянъ. Карамзинъ и тутъ не усматривалъ необходимости законодательныхъ мѣръ. По этому поводу Карамзинъ разказываетъ происхожденіе рабства, кабалы, исторію раздѣленія холопей и крестьянъ, переходовъ послѣднихъ и проч. Крестьяне помѣщичьи никогда не владѣли землей на правѣ собственниковъ, а при личномъ освобожденіи ихъ, по справедливости, должно совершить трудъ невозможный, чтобы разобрать потомковъ прикрѣпленныхъ крестьянъ отъ потомковъ холопей, за которыхъ, какъ за настоящую собственность, помѣщики должны получить особое вознагражденіе. Иначе приходится смѣло разсѣчь гордіевъ узелъ объявленіемъ ихъ свободы и правомъ монарха отмѣнять прежніе законы. Освобожденіе крестьянъ состоитъ въ подчиненіи ихъ власти правительства, а не помѣщика. Но они вовсе лишатся земли, составляющей неотъемлемую собственность помѣщиковъ, а потому или останутся на мѣстахъ, часто подчиняясь условіямъ корыстолюбивыхъ землевладѣльцевъ, которые ихъ щадить уже не будутъ, или же будутъ бродяжничать, при чемъ пострадаютъ доходы государства и земледѣліе. Споры ихъ будутъ ихъ разорять и обогащать судей. Въ состояніи ли правительство обойдтись безъ содѣйствія дворянъ въ сохраненіи общей безопасности государства? Если нѣтъ, то ею нельзя жертвовать изъ желанія сдѣлать добро одному сословію, которое къ тому же не сумѣетъ имъ воспользоваться при страсти своей къ пьянству и при системѣ винныхъ откуповъ. Должно не освобождать крестьянъ, а принять строгія мѣры противъ жестокихъ помѣщиковъ.

Указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ былъ бы полезенъ, еслибы было болѣе богатыхъ крестьянъ.

Войны и разрывъ съ Англіей произвели умноженіе ассигнацій, дороговизну, пониженіе курса и уничтоженіе равновѣсія между ввозомъ и вывозомъ товаровъ. Появился манифестъ о налогахъ. Слѣдствіемъ его были: еще бо́льшая дороговизна отъ

новыхъ налоговъ и новое паденіе курса отъ потери довѣренности къ ассигнаціямъ, которыя признаны были не деньгами, а государственнымъ долгомъ. Избѣжать такихъ послѣдствій можно было объявленіемъ, что расходы необходимы, а новыхъ ассигнацій выпускать не хотятъ, сокращеніемъ ненужныхъ штатовъ, уничтоженіемъ возможности одному лицу получать нѣсколько окладовъ, отмѣной выдачи столовыхъ денегъ, прекращеніемъ ссудъ богатымъ людямъ, разсылокъ разныхъ ревизоровъ, покупокъ для казны ненужныхъ ей домовъ, исполненія пустыхъ проектовъ.

Карамзинъ отвергаетъ нелѣпое мнѣніе многихъ о томъ, что совѣтники правительства имѣли въ виду тайную цѣль повредить въ этомъ случаѣ кредиту Россіи, и сдѣланныя ею ошибки приписываетъ *извѣстной хвастливости неосновательныхъ умовъ и не менѣе извѣстной охотѣ ихъ умничать.* Понимая довольно вѣрно вредъ бумажныхъ денегъ и судя довольно правильно о причинахъ дороговизны, пониженія курса и неравновѣсія между ввозомъ и вывозомъ товаровъ, Карамзинъ порицаетъ желаніе изъять ассигнаціи изъ обращенія и такимъ образомъ возстаетъ противъ мысли, въ которой заключалось спасеніе Россіи. Онъ только настаиваетъ на прекращеніи выпуска новыхъ ассигнацій и думаетъ, что тогда дороговизна пропадетъ *сама собой.* Онъ доказываетъ, что ассигнаціи тѣ же деньги, при чемъ разказываетъ исторію мѣновыхъ знаковъ въ Россіи: кунъ, монеты и наконецъ ассигнацій, появившихся при Екатеринѣ II вслѣдствіи необходимости въ легкой монетѣ, говоритъ о возвышеніи цѣны металлической монеты какъ товара, о дороговизнѣ, происшедшей отъ умноженія числа денегъ, наконецъ о причинахъ рѣдкости серебра и неудовольствій по этому случаю. *Министры должны быть искренни передъ монархомъ, а не передъ народомъ,* и потому надо было въ 1810 году просто объявить, что отнынѣ фабрика бумажекъ останется безъ дѣла, а не пускаться въ излишнія толкованія. Еслибы купецъ объявилъ о своихъ векселяхъ то, что̀ было объявлено объ ассигнаціяхъ, то его векселей никто бы не принялъ, а ассигнаціи все-таки ходятъ, и если понизились въ цѣнѣ, то не отъ недовѣрія народа, а по закону соразмѣрности между вещами и деньгами. За то иностранцы усомнились имѣть дѣла съ Россіей, и курсъ все упадалъ, уменьшая цѣну нашихъ произведеній и возвышая стоимость иностранныхъ. (Какъ будто иностранцы усомнились имѣть дѣла съ Россіей, вслѣдствіе того, что, по вопросу объ ас-

сигнаціяхъ, правительственныя лица были искренни не только передъ монархомъ, но и передъ народомъ! Какъ будто довѣріе иностранцевъ можно было пріобрѣсти укрываніемъ истины, давно извѣстной имъ!) При манифестѣ 2 февраля 1810 года разослано было особое прибавленіе подъ заглавіемъ: *Разумъ манифеста.* Но разумъ этотъ долженъ заключаться въ самомъ актѣ государственномъ, а не въ твореніи *какого-нибудь школьника-секретаря*, съ важностію переставляющаго слова и толкующаго, что мѣдь, стоящая 40 руб., должна въ деньгахъ ходить за 16. Это поощряетъ къ переплавкѣ ея. Дороговизна увеличилась не только отъ множества ассигнацій, но и оттого что не вѣрятъ прекращенію ихъ выпуска, а также отъ новыхъ податей и новаго курса. Если удастся вынуть изъ обращенія ассигнацій на 200 милл., то откупщики разорятся, купцы разстроятъ свою торговлю, накопятся огромныя недоимки въ податяхъ и оброкахъ. Пока установится новый порядокъ, многіе обанкрутятся. Вдругъ уменьшить число ассигнацій такъ же вредно, какъ и вдругъ его увеличить. Нужно только не выпускать новыхъ, и несоразмѣрно съ числомъ ихъ возвысившіяся цѣны спадутъ сами, но постепенно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Словомъ, по мнѣнію Карамзина, правительство не должно рѣшаться на радикальное лѣченіе недуга, причиненнаго выпускомъ ассигнацій. Карамзинъ хорошо понималъ, что наши банковыя установленія опирались на существованіе бумажныхъ денегъ, и немогли бы дѣйствовать при правильной денежной системѣ. Не имѣя вполнѣ яснаго понятія о значеніи правильной денежной системы для экономической жизни страны, онъ готовъ жертвовать денежною системой для того, чтобы государственный банкъ могъ существовать на основаніи своего устава.

Цѣль Коммиссіи погашенія долговъ, говоритъ онъ, есть униженіе цѣны серебра обѣщаніемъ черезъ нѣсколько лѣтъ уплатить серебряный рубль за два бумажные. Но какъ заготовить потребное количество серебряныхъ рублей для расплаты? Что, если цѣна ихъ къ тому времени не понизится до той степени, какъ предполагаютъ? Коммиссіи нельзя желать успѣха, если желаешь пользы Государственному банку.

По новому тарифу вывозить позволено все, а ввозить запрещено многое. Нападая на этотъ тарифъ, Карамзинъ совершенно правъ, хотя онъ и не замѣчаетъ, что этотъ тарифъ былъ отчаянною мѣрой, принятою въ послѣдней крайности. Еслибы курсъ нашъ упалъ, продолжаетъ онъ, въ соразмѣрности съ уменьшеніемъ цѣны ассигнацій, то мы могли бы безъ убытка торговать и торговаться съ Европой; но теперь иностранные купцы имѣютъ слишкомъ много выгодъ и могутъ разорить нашихъ. Для ввоза запрещены сукна, шелковыя и бумажныя ткани, но позволены алмазы, табакъ, сельди, соленые лимоны и т. п. Притомъ съ обнародываніемъ тарифа должно было назначить срокъ для продажи вновь-запрещенныхъ товаровъ и принять строгія мѣры противъ контрабанды. Полезнѣе всего открыть наши гавани для всѣхъ кораблей и стараться, чтобъ иностранцы переводили къ намъ свои капиталы и стали мѣнять охотно свои деньги на русскія ассигнаціи, не считая ихъ подозрительными векселями.

Коренной уставъ о правахъ купеческихъ степеней описываетъ права и выгоды купцовъ, но средства къ ихъ пріобрѣтенію обѣщаетъ изложить въ послѣдствіи, а до тѣхъ поръ угрожаетъ только возвышеніемъ купеческихъ податей. Должно надѣяться, что теперь, съ образованіемъ государственнаго совѣта, не встрѣтятся столь незрѣлыя законодательныя мѣры.

Попытки составить уложеніе послѣ Алексѣя Михайловича были дѣлаемы неоднократно: при Петрѣ I, Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ, Елисаветѣ, Екатеринѣ II. При Александрѣ I учреждена новая коммиссія составленія законовъ; для нея нашли много работниковъ, но не нашлось человѣка, способнаго быть ея душой. Черезъ годъ предсѣдатель ея объявилъ государю, что трудъ пойдетъ медленно, что въ Россіи есть только указы, а не законы, и что велѣно переводить кодексъ Фридриха II. Неужели же указы не законы? Кодексы иностранные нужно знать всѣ, но только для общихъ соображеній. Наконецъ перемѣняется начальникъ, и выходитъ цѣлый томъ предварительной работы; но въ ней только слова и фразы изъ книгъ и ни одной мысли, почерпнутой изъ познанія особенныхъ условій Россіи. Начальникъ еще разъ перемѣняется; выходятъ новыя двѣ книги: *Проектъ Уложенія.* Оказывается, что это переводъ Наполеонова кодекса. Правда, иногда авторы обращаются напримѣръ къ *Кормчей книгѣ*, но во всемъ виденъ кафтанъ, сшитый по чужой мѣркѣ. Напримѣръ, въ Россіи нѣтъ правъ гражданина въ истинномъ смыслѣ, а есть только особенныя права состояній, между тѣмъ *Уложеніе* начинается главой о правахъ гражданскихъ. Самый переводъ часто искаженъ, а языкъ представ-

ляетъ безпрестанно неправильности, доходящія иногда до нелѣпости; противорѣчій множество. Все это сдѣлано наскоро, чуждо понятію Русскихъ, да и время ли вводить въ Россіи французскіе законы? «Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ.» Возьмите *Уложеніе* царя Алексѣя Михайловича и всѣ послѣдующіе указы: вотъ содержаніе кодекса. Должно раздѣлить матеріялъ по главнымъ частямъ, гражданской и уголовной, раздѣлить обѣ части на статьи и подвести подъ каждую подлежащіе указы. Потомъ надобно согласить эти указы и сдѣлать нѣкоторыя необходимыя объясненія и прибавленія. Наконецъ, послѣдуетъ критика законовъ, особенно уголовныхъ, для отмѣны нѣкоторыхъ, несообразныхъ съ духомъ времени. При окончаніи работы не должно допускать въ текстѣ высокопарныхъ разсужденій, а излагать простыя начала и правила. Весь этотъ великій трудъ, для его единства, долженъ совершить одинъ человѣкъ; другіе могутъ быть только его помощниками и работниками. Если для такой работы не достаетъ людей и средствъ, должно просто издать полную сводную книгу законовъ и указовъ по частямъ суднымъ, согласивъ встрѣчающіяся противорѣчія. Тогда не придется, по крайней мѣрѣ, по одному и тому же дѣлу ссылаться на самыя различныя законоположенія и трудно отыскиваемые отдѣльные указы. Многія области Россіи имѣютъ свои собственные гражданскіе уставы; ихъ надо сохранить, понемногу готовя эти страны къ будущему единству въ гражданскихъ уставахъ во всей имперіи.

Нѣкоторыя частныя ошибки министровъ находятся въ постановленіяхъ о соли, о суконныхъ фабрикахъ, о прогонѣ скота, и также должны были раздражать общее мнѣніе, какъ и многія важныя государственныя мѣры. Безстрашіе, равнодушіе и грабежъ начальства и судовъ повсемѣстны, и нельзя говорить въ свое оправданіе, что люди всегда любятъ жаловаться; жалобы всей Россіи согласны между собой, и вреднымъ образомъ дѣйствуютъ на общее расположеніе умовъ.

Если внѣшнія опасности не помѣшаютъ твореніямъ *самолюбиваго, неопытнаго ума*, то заблужденія новой системы еще могутъ существовать долго. Но не печальна ли эта возможность? Какія средства для исцѣленія зла? Было время, когда можно было возвратиться къ системѣ Екатерины, но теперь уже нельзя торжественно признаться, что правительство заблуждалось цѣлыя десять лѣтъ.

Итакъ должно оставить новыя учрежденія и избрать достойныхъ людей, которые нужнѣе формъ. Надо выбирать и возвышать ихъ только по достоинствамъ. Они нужны особенно для мѣстъ губернаторскихъ. Пятьдесятъ достойныхъ губернаторовъ обуздаютъ произволъ, ободрятъ всѣ классы народа, и совѣтъ и сенатъ будутъ отдыхать на лаврахъ. Всѣ части управленія должны быть подчинены начальнику губерніи, которая есть Россія въ маломъ видѣ. Званіе губернатора, отвѣчающаго за спокойствіе цѣлаго края, болѣе петербургскихъ сановниковъ, должно быть возвышено до степени прежнихъ намѣстниковъ, а министры обратятся въ то, чѣмъ должны быть,—въ секретарей государя; но надо умѣть не только выбирать людей, а и обходиться съ ними. Страхъ наказанія долженъ быть силенъ, особенно при утвердившемся безстрашіи чиновниковъ. Въ Россіи государь долженъ смотрѣть за судьями и не щадить преступниковъ. Министры должны также отвѣчать по крайней мѣрѣ за главныхъ чиновниковъ, ими избранныхъ. Тогда можно будетъ взыскивать и съ мнимо-недовольныхъ. Награды должны жаловаться рѣдко и съ разборчивостію; получа чины и ленты, люди требуютъ отъ государя денегъ, которыя раздаются несоразмѣрно заслугамъ и мѣстамъ, и еще чаще въ ущербъ истинно нуждающимся низшимъ чиновникамъ.

«Самодержавіе есть палладіумъ Россіи.» Орудіе его, двигающее составъ государственный, есть дворянство, которое верховная власть должна уважать, какъ сословіе отборныхъ своихъ слугъ. Въ потомственной средѣ его должно преимущественно искать монарху общественныхъ дѣятелей. «Не надлежитъ быть дворянству по чинамъ, а чинамъ по дворянству», по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ чинахъ. При частомъ производствѣ простолюдиновъ въ высокіе чины, необходимо слѣдующее зло: 1) ихъ надо обогащать, 2) дворянство оскорбляется и 3) нерѣдко выслужившіяся лица не будутъ имѣть хорошаго воспитанія, которое чаще дается дворянамъ. Притомъ простолюдинъ, «въ самой знатности боится презрѣнія, не любитъ дворянъ и мыслитъ личною надменностію изгладить изъ памяти людей свое низкое происхожденіе.» Хорошо, если государь самъ иногда будетъ являться въ собраніи дворянства, какъ глава его. Дворяне должны поступать на службу офицерами (кромѣ гвардіи), если знаютъ правильно русскій языкъ и первыя начала математики. Строгости военной службы въ мирное время надо смягчить и не утомлять войско вахтпарадами и т. п.

Духовенство также слѣдуетъ возвысить въ общемъ мнѣніи; пусть члены синода засѣдаютъ въ сенатѣ въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ. Священники не должны быть поставляемы безъ строгаго испытанія, а духовныя училища слѣдуетъ размножать и улучшать.

«Дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ; надъ всѣми государь, единственный законодатель, единовластный источникъ властей, вотъ основаніе Россійской монархіи.»

Итакъ колебанія могутъ утихнуть, неудовольствія исчезнуть, злословіе умолкнетъ, ходъ вещей сдѣлается правильнымъ и проч., если люди станутъ важнѣе формъ, строгость къ преступленіямъ по должности усилится, заключится миръ съ Турціей, сдѣланы будутъ пожертвованія ложной чести для избѣжанія новой войны съ Наполеономъ, расходы уменьшатся бережливостью и прекращеніемъ выпуска ассигнацій, жалованье бѣдныхъ чиновниковъ увеличится, таможенные уставы приведутъ въ соразмѣрность ввозъ и вывозъ товаровъ, и дороговизна мало-по-малу уменьшится. Судьба Европы уже не зависитъ отъ Россіи, но бури не вѣчны, и будущее можетъ быть для нея счастливымъ.

Карамзинъ оканчиваетъ свою *Записку* словами: «Любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь въ безмолвіе подданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да блюдетъ царя и царство Россійское!»

Записка *О древней и новой Россіи* весьма пространно говоритъ о государственныхъ мѣрахъ временъ Александра I. Представленное нами сокращеніе есть не болѣе какъ остовъ ея и состоитъ только изъ обозначеній главныхъ пунктовъ, на которые Карамзинъ дѣлаетъ свои замѣчанія, вообще показывающія, что Карамзинъ не былъ государственнымъ человѣкомъ, но нерѣдко исполненныя проницательности, удивительной для неспеціалиста. Нечего говорить объ увлекательномъ его изложеніи, о силѣ и красотѣ его языка, о картинности образовъ. Смѣлость многихъ мыслей и выраженій вполнѣ объясняется тою искренностію, которая дышетъ во всякой строкѣ этого замѣчательнаго произведенія. Читая его, вы чувствуете, что это слова человѣка, убѣжденнаго въ ихъ истинѣ и горячо любящаго свое отечество.

Записка Карамзина заключаетъ въ себѣ, какъ видятъ читатели, прямыя порицанія системы Сперанскаго и многіе намеки на вредъ, который причиняется его дѣятельностію. Мы видимъ въ ея авторѣ человѣка, ждавшаго отъ Александра, что онъ будетъ въ точномъ смыслѣ царствовать, «по сердцу и разуму бабки своей», то-есть возвратитъ Россіи, съ немногими улучшеніями и отмѣнами, учрежденія Екатерины, которой вскорѣ, по воцареніи ея внука въ 1801 году, написалъ онъ въ этой надеждѣ свое *Историческое похвальное слово* (1). Между-тѣмъ, въ теченіи десяти лѣтъ, онъ видѣлъ только уничтоженіе старыхъ и введеніе новыхъ порядковъ, противныхъ его убѣжденіямъ, и написалъ свой краснорѣчивый протестъ.

Читатели сами проведутъ параллель между воззрѣніями Карамзина и Сперанскаго и увидятъ ихъ существенную противоположность. Первый хочетъ возвращенія къ старому, нѣсколько исправленному порядку вещей, и не видитъ несостоятельности его; второй спѣшитъ пріискивать радикальное лѣченіе для зла, ясно сознаваемаго, и всѣ помыслы свои устремляетъ къ будущему. Одинъ смотритъ на дворянство какъ на привилегированное сословіе, члены котораго всѣ имѣютъ не права политическія, а нѣкоторыя служебныя и почетныя преимущества; другой считаетъ нужнымъ ограничить составъ дворянства и притомъ сдѣлать его самостоятельнымъ, связаннымъ интересами не только съ верховною властію, но и съ низшими классами народа. Такія же несходства существуютъ въ мысляхъ обоихъ публицистовъ по другимъ главнымъ вопросамъ Самое коренное и рѣзкое различіе въ двухъ этихъ воззрѣніяхъ составляютъ слѣдующія убѣжденія, служащія ихъ основаніями. Карамзинъ вѣритъ въ людей, а Сперанскій въ законы. Карамзинъ желаетъ увеличенія власти довѣренныхъ лицъ, требуетъ подчиненія всѣхъ частей управленія губернаторамъ, Сперанскій — точнаго и яснаго законодательства, ограничивающаго произволъ лицъ, облеченныхъ властію. Наше время не можетъ уже сомнѣваться въ превосходствѣ послѣдняго взгляда, испытавши такъ часто на дѣлѣ, что спасительны только твердые законы, выработанные просвѣщеніемъ изъ прочныхъ основъ народной жизни.

И Карамзинъ и Сперанскій увлекались крайностями, какъ всегда бываетъ въ случаяхъ, когда противоположное другому мнѣніе, особенно при началѣ борьбы между ними, держитъ въ рукахъ перо или дѣйствуетъ. Еслибы восторжествовало мнѣніе

(1) *Сочиненія* Карамзина. Изд. Смирд. 1848, ч. I, стр. 275.

Карамзина, насильственный поворотъ къ старому порядку произвелъ бы застой и безпорядокъ при новыхъ требованіяхъ усложнявшейся все болѣе и болѣе государственной и гражданской жизни Россіи, и неминуемо повелъ бы къ тѣмъ же реформамъ, но послѣ долговременныхъ колебаній и можетъ-быть бѣдствій. Система Сперанскаго должна была взять перевѣсъ по самому духу времени, и она превозмогла патріархальныя стремленія противной партіи. Она была неизбѣжна, а потому и колебанія въ ней не были такъ вредны, и были извинительнѣе. Однако справедливость требуетъ сказать, что эта новая система доходила также до злоупотребленія своего принципа, привязавшись къ формамъ и мелочамъ, и что она была приводима въ исполненіе только съ своей формальной стороны. Отсюда родилось, мало-по-малу, страшное увеличеніе числа служебныхъ мѣстъ и чиновниковъ, громадное умноженіе канцелярской переписки, всемогущество бумажнаго міра, уничтоженіе всякаго соприкосновенія администраціи съ жизнію, и развитіе самоувѣренной бюрократіи въ тѣхъ размѣрахъ, которые теперь всѣми сознаны и осуждены. Въ оправданіе Сперанскаго должно напомнить, что многіе планы его были исполнены только по частямъ, и притомъ именно по такимъ, которыя относились преимущественно до формальностей новыхъ учрежденій (1).

Мы видѣли, что дѣятельность Сперанскаго въ 1811 году продолжалась и довѣріе къ нему государя нисколько не поколебалось, несмотря на смѣлое порицаніе, высказанное въ первый

---

(1) Говорятъ, что когда Карамзинъ пріѣхалъ въ 1816 году въ Петербургъ для печатанія своей исторіи, онъ долго не получалъ рѣшенія по своему дѣлу. Наконецъ ему сказали, что оно не кончается, потому что все зависитъ отъ Аракчеева, который былъ тогда во всей силѣ и удивляется, что Карамзинъ къ нему не является. Карамзинъ поѣхалъ къ Аракчееву, который его принялъ чрезвычайно любезно, и вслѣдъ за тѣмъ велѣно было исторію Карамзина печатать въ Военной Типографіи и выдать автору 50.000 руб. на издержки по изданію. Оказалось, что Аракчеевъ былъ прекрасно расположенъ къ Карамзину за то, что исторіографъ былъ противникомъ ненавистнаго Аракчееву Сперанскаго. Извѣстно, какою милостію государя и довѣренностью его пользовался въ Петербургѣ Карамзинъ. Въ 1812 году, при отъѣздѣ своемъ въ армію, государь хотѣлъ взять съ собой Карамзина, но это почему-то не состоялось, и на мѣсто его поѣхалъ А. С. Шишковъ. Однажды государь хотѣлъ сдѣлать Карамзина министромъ народнаго просвѣщенія, но онъ просилъ уволить его отъ принятія этой должности.

разъ такъ открыто Карамзинымъ, и на благосклонное принятіе его записки Александромъ, который умѣлъ выслушивать то, что внушалось убѣжденіемъ. Однако Сперанскій, окруженный врагами, испытывая безпрерывныя огорченія, преслѣдуемый клеветой, не однажды просилъ государя уволить его отъ должности государственнаго секретаря, бывшей причиною всѣхъ нареканій (1). Но государь не соглашался на его просьбу, и 1-го января 1812 года пожаловалъ ему Александровскую ленту (2).

Итакъ Сперанскій продолжалъ трудиться по прежнему. Въ 1812 году изъ предначертаній его также успѣли быть исполнены нѣкоторыя. Если не ошибаемся, слѣдующія важныя распоряженія сдѣланы были тогда при его участіи:

1) Января 18 открытъ департаментъ внѣшней торговли въ министерствѣ финансовъ, на мѣсто упраздненнаго департамента министра коммерціи (3).

2) Января 21 утвержденъ, съ немногими измѣненіями, на 1812 годъ тарифъ 1811 года (4).

3) Января 27 обнародывано учрежденіе военнаго министерства (5).

4) Января 27 обнародывано учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи (6). Учрежденіе это, дѣйствующее донынѣ, было написано, при участіи Сперанскаго, близкимъ пріятелемъ его, флигель-адъютантомъ полковникомъ Алексѣемъ Васильевичемъ Воейковымъ, управлявшимъ канцеляріей военнаго министра Барклая-де-Толли, и носило въ публикѣ названіе *Желтой книги*, по цвѣту переплета.

5) Января 29 изданъ манифестъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ на 1812 годъ (7).

6) Февраля 11 вышелъ манифестъ о преобразованіи коммиссіи погашенія долговъ (8). Въ немъ заключалось: а) Измѣненіе

---

(1) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 octobre.

(2) *Словарь Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.

(3) *Полн. Собр. Зак.* т. XXXII, № 24.955.

(4) Тамъ же, № 24.960. О приведеніи въ дѣйствіе того учрежденія см. тамъ же, № 25.008.

(5) Тамъ же, № 24.971.

(6) Тамъ же, № 24.975.

(7) Тамъ же, № 24.976. Объясненія на этотъ манифестъ, см. тамъ же, № 24.999.

(8) Тамъ же, № 24.992. Объясненіе на него, см. тамъ же, № 25.011.

состава управленія коммиссіей и правилъ для образа ея дѣйствій; б) Постановленіе объ отнесеніи къ ея вѣдомству всѣхъ государственныхъ долговъ и уплатъ по нимъ и в) Положеніе объ усиленіи капитала ея, состоявшаго изъ суммъ, вырученныхъ за продажу государственныхъ имуществъ, временными прибавками въ податяхъ и новыми налогами. Прибавки въ податяхъ были слѣдующія: а) Подушная увеличена на 1 руб.; б) Оброчная на 2 руб.; в) Съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ плата возвышена 3-мя процентами и г) Учрежденъ сборъ съ помѣщицьихъ доходовъ по добровольному ихъ объявленію. Низшій сборъ начинался съ 500 руб. дохода и состоялъ изъ 1 процента; высшій составлялъ 10 процентовъ и взимался съ доходовъ, превышающихъ 18.000 руб. Новыми пошлинами обложены были: чай, пиво, гербовая бумага, паспорты, подорожныя, почтовые сборы и свидѣтельства крестьянъ на торговлю, а съ частныхъ горныхъ заводовъ пошлина удвоена.

7) Марта 12 состоялся, если мы не ошибаемся, послѣдній важный актъ временъ могущества Сперанскаго. Это было—высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о возвышеніи податей съ иностранныхъ колонистовъ по разнымъ губерніямъ (1).

Между тѣмъ грозная туча находила на Россію; политическія обстоятельства принимали размѣры небывалые, и предчувствовалось начало послѣдней борьбы нашей съ Наполеономъ. Опасность грозила отовсюду, и враги Сперанскаго не теряли времени, чтобы готовить его паденіе. Сперанскаго громче и громче стали обвинять въ предательствѣ, скрытомъ будто бы во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и представляли его удаленіе необходимымъ условіемъ для сохраненія спокойствія государства.

Громче всѣхъ, прямо и рѣшительно, заговорилъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. При восшествіи на престолъ Александра I, онъ сдѣлался жертвой придворныхъ интригъ, удалился отъ дѣлъ и поселился въ Москвѣ (2). Въ 1810 году онъ былъ назначенъ оберъ-каммергеромъ, но оставался въ Москвѣ и не несъ никакихъ служебныхъ обязанностей (3). Въ то время онъ, какъ говорятъ, самъ писалъ къ И. И. Дмитріеву, что не принялъ бы такой

(1) *Полн. Собр. Зак.*, № 25.031.
(2) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 121.
(3) Тамъ же, стр. 123.

должности, которая заставила бы его ѣхать въ Петербургъ и имѣть дѣло съ людьми, которыхъ убѣжденій онъ не раздѣляетъ. Въ Москвѣ Ростопчинъ имѣлъ огромный вѣсъ въ обществѣ знатностію, богатствомъ, любезностію, умомъ и просвѣщеніемъ, а въ публикѣ и въ народѣ пользовался настоящею популярностію, какъ горячій патріотъ въ словахъ, поступкахъ и сочиненіяхъ. Онъ, также какъ и Карамзинъ, заслужилъ особое благоволеніе великой княгини Екатерины Павловны и былъ въ короткой пріязни съ исторіографомъ. Въ смутныхъ обстоятельствахъ, которыми омрачалось уже самое начало 1812 года, въ эту эпоху толковъ, опасеній и томительной неизвѣстности, Ростопчинъ сдѣлался центромъ, около котораго группировались недовольные, оракуломъ въ кругу московской знати и высшаго дворянства, и принялъ на себя обязанность быть представителемъ устрашеннаго общаго мнѣнія Москвы. Онъ шелъ напрямикъ, соотвѣтственно своему независимому и открытому характеру, и безъ околичностей описалъ государю то, что̀ думалъ онъ и вмѣстѣ съ нимъ думала вся Москва, представлялъ грозящую опасность (1), и виновниками ея назвалъ Сперанскаго, Магницкаго, Бижеича и другихъ лицъ ихъ круга. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на средства открыть ихъ заговоръ въ пользу Наполеона, котораго хотятъ пропустить въ Россію черезъ Курляндію, стянувъ всѣ войска, будто бы для защиты, въ Польшу и Финляндію, произведя притомъ въ народѣ неудовольствіе на правительство. Ростопчинъ совѣтовалъ довѣриться Балашову, для открытія всѣхъ тайнъ измѣны и заклиналъ государя избрать людей, способныхъ спасти Россію, безъ чего угрожалъ неминуемыми, страшными бѣдствіями престолу и отечеству.

Это происходило около половины марта 1812 года. Государь собирался ѣхать къ арміи (2) Этимъ случаемъ воспользовались враги Сперанскаго, чтобъ общими силами совершить его гибель. Говорятъ, что Армфельдтъ пустилъ въ ходъ записку, сочиненную Розенкампфомъ, если не ошибаемся, въ которой изложены были преступные замыслы Сперанскаго, скрытые въ государственныхъ актахъ, имъ сочиненныхъ, и цѣлію которыхъ было возбудить неудовольствіе и приготовить умы къ перевороту. Такимъ образомъ успѣли возбудить подо-

(1) *Словарь Достоп. людей*, стр. 124.
(2) Государь уѣхалъ въ армію 9 апрѣля.

зрѣнія въ чистотѣ намѣреній Сперанскаго, и было рѣшено удалить его, хотя на время. Враги Сперанскаго, говорятъ, имѣли какіе-то удачные для нихъ случаи, способствовавшіе имъ дать видимое вѣроятіе обвиненіямъ, взведеннымъ на Сперанскаго въ измѣнѣ.

Мы не беремся разказать съ точностію подробности о томъ, какъ именно произошло паденіе Сперанскаго. Показанія о томъ противорѣчатъ между собой.

17-го марта 1812 года (1), Сперанскій, возвратившись домой, нашелъ у себя въ кабинетѣ злѣйшаго своего врага, с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора и министра полиціи Балашова, который объявилъ ему повелѣніе объ его увольненіи отъ всѣхъ должностей и удаленіи въ Нижній Новгородъ. Сперанскій сохранилъ все присутствіе духа и съ твердостію встрѣтилъ несчастіе. Онъ присутствовалъ при опечатаніи бывшихъ у него государственныхъ бумагъ, приготовился наскоро къ отъѣзду, и написалъ нѣсколько прощальныхъ словъ тринадцатилѣтней своей дочери. Онъ не хотѣлъ тревожить и огорчать ее и потому съ ней не видѣлся передъ отъѣздомъ, а перекрестилъ только запертую дверь ея комнаты. Кибитка для него была готова; онъ сѣлъ въ нее, и лошади помчали его изъ Петербурга (2).

Въ тотъ же день былъ отставленъ, арестованъ и высланъ изъ Петербурга Магницкій, а Воейковъ переведенъ бригаднымъ командиромъ въ армію. Тогда же арестованъ былъ чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Христіанъ Андреевичъ Бекъ. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что, найдя однажды, черезъ Сперанскаго, случай представить государю мимо канцлера что-то найденное имъ въ *люстраціи*, получилъ позволеніе и впредь поступать такъ же, и нѣсколько разъ доставлялъ Сперанскому нѣкоторыя незначительныя политическія вѣсти (3). Поступокъ этотъ былъ растолкованъ какъ доказательство измѣны Сперанскаго и участія въ ней Бека (4).

---

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.

(2) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 octobre, page 821.

(3) Письмо Сперанскаго изъ Перми.

(4) На мѣсто Сперанскаго назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. На мѣсто Магницкаго—статсъ-секретаремъ въ департаментѣ законовъ камергеръ князь Григорій Ивано-

Итакъ Сперанскій, могущественный государственный дѣятель, палъ жертвой духа времени, несчастныхъ обстоятельствъ и неумолимыхъ враговъ. И вотъ онъ на пути изгнанія, на пути Аристида и Камилла, на пути скорбномъ, но славномъ, потому что онъ тѣмъ скорѣе ведетъ великаго человѣка къ потомству.

VI.

Быстрое паденіе и ссылка Сперанскаго удивили всѣхъ, несмотря на то, что въ публикѣ давно уже ожидали его удаленія, зная, что противъ него дѣйствуетъ сильная партія. Можно себѣ представить, какіе разнородные толки, какія странныя догадки распространялись по этому случаю. Но главною причиной изгнанія его полагали болѣе или менѣе измѣну его отечеству, въ пользу грозившаго намъ Наполеона. Сперанскій не скрывалъ, что считалъ тильзитскій миръ необходимымъ для Россіи, которой нужно было купить, даже съ нѣкоторыми пожертвованіями, прекращеніе войны, чтобы на свободѣ заняться внутренними преобразованіями, которыя были для нея гораздо важнѣе, чѣмъ безплодные военные лавры. Карамзинъ развѣ не совѣтовалъ въ 1811 году рѣшиться на уступки Наполеону для той же цѣли? Но записка его не была извѣстна въ то время, и притомъ противъ него, какъ противъ частнаго человѣка, не могло существовать такого ожесточенія. Сперанскаго обвиняли и въ томъ, что онъ, во время эрфуртскихъ конференцій, совѣтовалъ жить въ мірѣ съ возмутителемъ покоя всей Европы, считая

вичъ Гагаринъ, а на мѣсто Воейкова, по личному предложенію государя военному министру, подполковникъ Арсеній Андреевичъ Закревскій (нынѣ графъ). Съ другими лицами, имѣющими отношенія къ нашему разказу, произошли вскорѣ слѣдующія перемѣны: баронъ Армфельдъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи; Розенкампфъ сдѣланъ помощникомъ статсъ-секретаря въ томъ же департаментѣ, по части финансовъ. Графъ Ростопчинъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ. Извѣстно, какую значительную роль играли въ послѣдствіи Балашовъ и Гурьевъ, и какою властію облеченъ былъ Аракчеевъ. Бекъ вскорѣ былъ оправданъ и остался на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

умѣренность въ политикѣ относительно Наполеона дѣломъ государственной мудрости. Въ этомъ видѣли издавна подготовленный планъ: выиграть время и посѣять въ Россіи сѣмена неудовольствій, которыя помогли бы въ рѣшительную минуту исполненію его преступныхъ замысловъ. Тщетно стали бы указывать на составленный, по его мысли, запретительный тарифъ 1811 года, нанесшій сильный ударъ Французской торговлѣ въ Россіи. Это былъ также разчитанный шагъ, чтобы дать Наполеону поводъ къ неудовольствіямъ противъ Россіи и благовидный предлогъ къ разрыву, когда планы Сперанскаго созрѣютъ. Сперанскій изучалъ Наполеоновскій кодексъ, уважалъ, по достоинству, этотъ превосходный юридическій памятникъ и извлекалъ изъ него все, что̀ могло быть полезно для его юридическихъ работъ. Явно, что это была попытка ввести въ Россію чуждый кодексъ народа, которому онъ доброхотствуетъ. Сперанскій видался съ иностранцами. Кто не видается съ ними въ Петербургѣ? Но для него эти свиданія обращались въ преступныя совѣщанія, гдѣ торговали честью и спокойствіемъ отечества. Какъ бы то ни было, истина не была извѣстна съ точностію публикѣ. Слишкомъ черезъ два мѣсяца послѣ его ссылки Карамзинъ писалъ къ брату: «Исторія Сперанскаго есть для насъ тайна: публика ничего не знаетъ. Думаютъ, что онъ уличенъ въ нескромной перепискѣ. Его всѣ бранили, теперь забываютъ. Ссылка похожа на смерть (1).» Свидѣтельства современниковъ говорятъ, что удаленіе его было привѣтствовано почти общимъ одобреніемъ и даже удовольствіемъ. Таково было расположеніе умовъ при тогдашнихъ грозныхъ политическихъ обстоятельствахъ.

Между тѣмъ Сперанскій приближался къ мѣсту своего изгнанія. Говорятъ, что маршрутъ его миновалъ Москву въ избѣжаніе непріятностей, которыя онъ могъ бы встрѣтить въ этомъ городѣ, гдѣ раздраженіе общественнаго мнѣнія противъ него дошло до невѣроятной степени. Его везли на Новгородъ, Тверь, Ярославль и Владиміръ, въ Нижній Новгородъ. Сынъ одного изъ тогдашнихъ значительныхъ лицъ въ одной изъ губерній, черезъ которыя везли Сперанскаго, разказывалъ намъ, что, будучи тогда еще мальчикомъ, онъ слышалъ объ одномъ странномъ распоряженіи, котораго исполненіе видѣлъ самъ. На козлахъ экипажа, въ которомъ везли Сперанскаго, сидѣлъ солдатъ въ полной аммуниціи, такъ что поѣзду придавался, въ глазахъ народа, видъ какой-то торжественности, разчитанной для того, чтобъ успокоить волненіе умовъ и дать удовлетвореніе ненависти народа. Но въ то же время губернаторы получили предварительно предписанія: встрѣчать Сперанскаго со всѣми знаками уваженія, должными его прежнему сану, и оказывать ему всевозможное содѣйствіе въ пути.

(1) *Атеней*, 1858, ч. III, стр. 484.

На дорогѣ, Сперанскаго ожидало тяжелое испытаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадное чувство, которое освѣжаетъ душу воспоминаніями. Онъ ѣхалъ по мѣстамъ, гдѣ протекло его дѣтство. Остановившись во Владимірѣ, онъ посѣтилъ тамошнюю семинарію. Въ классѣ философіи, онъ засталъ на каѳедрѣ протоіерея Пѣвницкаго, который былъ когда-то и его учителемъ; онъ подошелъ подъ его благословеніе. Старикъ благословилъ его и упалъ передъ нимъ на колѣни. По невольному чувству, сдѣлалъ то же и Сперанскій, и оба залились слезами (1). Оставляемъ читателямъ вообразить себѣ, что̀ волновало сердце Сперанскаго, когда онъ увидѣлъ опять родныя мѣста, которыя, за двадцать два года, онъ оставилъ бѣднымъ, неизвѣстнымъ юношей, и куда судьба занесла его знаменитымъ изгнанникомъ какъ бы для того, чтобъ еще сильнѣе дать ему уразумѣть тщету мірскихъ почестей и непрочность человѣческаго величія.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Нижній Новгородъ, Сперанскому суждено было испытать одну изъ тѣхъ радостей, которыя, къ счастію человѣчества, не въ состояніи отнять у изгнанника никакія жестокія гоненія. Дочь его ни за что не хотѣла разлучиться съ отцомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, она рѣшилась слѣдовать за нимъ и вскорѣ пріѣхала съ своею гувернанткой въ Нижній Новгородъ (2). Этого соединенія достаточно было, чтобъ умирить растерзанную душу Сперанскаго. Твердость его и спокойствіе произвели необыкновенное впечатлѣніе въ городѣ. Люди не могли вѣрить, что можно сохранить такое присутствіе духа, испытавши такія превратности судьбы. Стали даже подозрѣвать, что немилость Сперанскаго мнимая, и что онъ, подъ видомъ ссылки, имѣетъ тайное порученіе удостовѣриться въ расположеніи умовъ внутри имперіи.

(1) *Москв.* 1848, № VIII, стр. 38.
(2) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 octobre, pag. 821.

Слухи эти способствовали тому почтительному пріему, который онъ встрѣтилъ (1). Сперанскій спокойно сталъ устраивать свой новый образъ жизни; но судьба готовила ему еще болѣе тяжкія испытанія.

Въ іюнѣ 1812 года Наполеонъ, предводительствуя войсками всей Европы, уже былъ въ предѣлахъ Россіи. Барклай началъ свое знаменитое отступленіе, ознаменованное столькими славными подвигами: Наполеонъ шелъ въ самое сердце Россіи. Враги Сперанскаго не удовлетворились его изгнаніемъ; они представили опаснымъ пребываніе его въ городѣ, близкомъ къ центру войны и куда стекались жители оставленной Москвы, и Сперанскій переведенъ былъ на жительство въ Пермь (2).

Такое явное доказательство подозрѣнія правительства насчетъ Сперанскаго не могло не быть новымъ для него оскорбленіемъ. Переведенный на жительство въ отдаленный и пустынный край, онъ испыталъ тамъ со стороны жителей то отчужденіе, которое было необходимымъ послѣдствіемъ новаго оффиціяльнаго подтвержденія мысли, что Сперанскій важный государственный преступникъ, и что опасно съ нимъ имѣть сношенія. Онъ остался почти въ совершенномъ одиночествѣ, потому что и дочь свою рѣшился отправить въ Петербургъ, боясь подвергнуть ее суровости пермскаго климата и лишить ее средствъ къ образованію (3). Это было уже въ январѣ 1813 года, и ей отдалъ онъ, для врученія государю, знаменитое письмо свое, которое, по словамъ одного изъ его біографовъ, «не оставляетъ на немъ ни малѣйшаго подозрѣнія» (4).

Письмо это, изъ котораго мы извлекли уже столько объясненій дѣятельности Сперанскаго, заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ ея по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, почему и приводимъ перечень его содержанія. Всѣ работы Сперанскаго истекали изъ основной мысли государя, желавшаго «составить прочное, на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія Россіи.» Съ 1808 года началось приготовленіе и исполненіе общаго плана преобразованія. Но исполненіе это производилось только по частямъ, согласно волѣ государя. Такимъ образомъ непосвященные во всѣ тайны плана не могли основательно судить о достоинствѣ частныхъ мѣръ, изъ него извлеченныхъ. Слѣдуетъ краткое изложеніе необходимости преобразованія совѣта, министерствъ и сената, перечисленіе порицаній этихъ дѣйствій и причинъ этихъ порицаній (1). Работы законодательныя шли не такъ успѣшно, но и по нимъ сдѣлано много важнаго. Финансовыя мѣры 1810 года спасли тогда Россію отъ банкротства, но личныя страсти опорочивали и ихъ. Два года прошли благополучно. Если въ началѣ 1812 года были приняты нѣкоторыя мѣры неосновательныя, то они предложены были министромъ, а на Сперанскаго сложили враги его всю отвѣтственность. Слѣдуетъ исчисленіе трехъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Сперанскаго и его оправданіе. Въ два года, доходы государства возрасли отъ 125 милл. до 300 милл. Но во время самой перемѣны системы, выпущено было, по необходимости, 46 милл. новыхъ ассигнацій, а казначейство представило неправильный счетъ количества прежнихъ, бывшихъ въ обращеніи. Однакоже дальнѣйшій упадокъ ихъ курса остановился при новыхъ финансовыхъ мѣрахъ. Ропотъ отъ новыхъ налоговъ очень понятенъ и вездѣ существовалъ. Однако онъ не могъ быть опасенъ, и при начатіи войны прекратился. Не слѣдуетъ поддаваться системѣ ложныхъ страховъ и подозрѣній, распускаемыхъ изъ личныхъ видовъ; давать имъ значеніе пагубно и безславно. Неблагопріятные отзывы о ходѣ правительственныхъ установленій были слышны не отъ одного Сперанскаго; борьба старыхъ элементовъ съ новыми не могла не причинять ущерба успѣху дѣлъ. Дурные же отзывы о людяхъ, занимающихъ важныя мѣста, были слѣдствіемъ ихъ противоборства полезнымъ нововведеніямъ и клеветъ, которыя они распускали. Что̀ касается самого государя, Сперанскій привязанъ къ нему истинною любовію, всегда «имѣлъ дѣло съ однимъ его разумомъ и никогда не хотѣлъ обольстить его сердца». Для убѣжденія его, онъ сочинялъ «не докладныя записки, но цѣлыя книги». Неужели же онъ вдругъ измѣнился? Какія могли

(1) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct., p. 821.
(2) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 287.
(3) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 octobre, pag. 822.
(4) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.

(1) Мы представляемъ только самый краткій конспектъ письма Сперанскаго. Время и сущность предложенныхъ имъ мѣръ изложены выше въ хронологическомъ порядкѣ, также какъ исчисленіе ихъ порицаній, оправданій Сперанскаго и другіе факты. Мы ссылались вездѣ на это письмо; подробно излагать его здѣсь было бы только не нужнымъ повтореніемъ.

быть причины? Гдѣ доказательства? Привязанность къ французской системѣ есть выдумка, которую легко опровергнуть бумагами Сперанскаго и указаніями его на козни, предшествовавшія войнѣ; онъ содѣйствовалъ открытію замысловъ Франціи порученіемъ, даннымъ графу Нессельроде, вступить изъ Парижа въ дипломатическую переписку, оказавшуюся столь полезною. Всѣ обвиненія на Сперанскаго противорѣчатъ фактамъ. Однако, подозрѣніе въ связяхъ съ Франціей составляетъ главную причину его изгнанія въ Нижній-Новгородъ и потомъ въ Пермь. Остальныя нареканія падутъ современемъ передъ очевидностью, но въ этомъ случаѣ Сперанскій связанъ тайной, которую можетъ и долженъ разорвать только самъ государь и оправдать его тѣмъ. Сперанскій могъ бы указать начало и цѣль веденныхъ противъ него интригъ, обличить ложь, но не хочетъ рекриминацій и притомъ знаетъ, что враги его сильны и находятся при дворѣ, между тѣмъ какъ онъ за 2000 верстъ отъ Петербурга. Исторія Бека не имѣетъ никакого значенія. Связей съ мартинистами и иллюминатами Сперанскій не имѣлъ, никогда не подчиняясь слѣпо чужимъ мнѣніямъ, но занимался изысканіями и размышленіями о мистической части ихъ ученія, результаты которыхъ и сообщалъ государю, по его желанію, указывая «на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви». Очернилъ ли кого-нибудь Сперанскій передъ государемъ? Нѣтъ, онъ старался питать въ душѣ его свойственную ей кротость. Такъ ли дѣйствуетъ честолюбецъ и врагъ своего государя? Въ награду прежнихъ трудовъ и претерпѣнныхъ горестей, Сперанскій проситъ, чтобы государь позволилъ ему провести остатокъ жизни «поистинѣ одними трудами и горестями преизобильной», въ маленькой своей деревнѣ. Если государь поручитъ ему окончаніе какой-либо части публичныхъ законовъ, онъ приметъ это съ радостію и исполнитъ съ усердіемъ, «не ища другой награды, кромѣ *свободы* и *забвенія*».

Мы не знаемъ, когда именно дошло это письмо по своему назначенію. Мы уже говорили, что оно повезено было въ Петербургъ дочерью Сперанскаго, такъ какъ другаго пути къ его доставленію у него не было. Вспомнивъ тогдашнія обстоятельства, по которымъ государь находился за границей, можно предполагать, что до самаго возвращенія его въ Петербургъ, послѣ взятія Парижа, оно хранилось у молодой Сперанской, не рѣшавшейся выпустить изъ рукъ ввѣренное ей отцомъ письмо. Оттого, вѣроятно, оно оставалось долго безъ отвѣта, и Сперанскій не ранѣе какъ во второй половинѣ 1814 года могъ оставить Пермь.

Итакъ два года провелъ Сперанскій въ Перми, живя почти въ совершенномъ уединеніи. Въ доказательство того, какъ опасались сходиться съ нимъ, приведемъ слѣдующій случай. Въ 1814 году одно духовное лицо проѣзжало черезъ Пермь изъ Иркутска въ Петербургъ. Епископъ Іустинъ пригласилъ пріѣзжаго служить съ нимъ обѣдню въ какой-то праздникъ. Въ церкви пріѣзжій узналъ Сперанскаго, и видавши его еще въ Петербургѣ, поклонился ему. Потомъ, на завтракѣ у архіерея, они познакомились, и Сперанскій пригласилъ его къ себѣ. Проѣзжій спросилъ архіерея: можно ли туда отправиться? Отвѣтъ былъ: какъ угодно. На дальнѣйшіе разспросы Іустинъ отвѣчалъ, что не считаетъ благоразумнымъ открытое сообщеніе съ Сперанскимъ, и что онъ самъ не знаетъ, какъ передать ему порученіе отъ митрополита Амвросія. Однако проѣзжій отправился къ Сперанскому, который показалъ ему тетрадь, куда выписывалъ изъ Библіи тексты, приличные своему положенію; потомъ онъ подробно разспрашивалъ о Сибири и ея управленіи, и наконецъ сообщилъ гостю «первому, въ благодарность за посѣщеніе», что скоро надѣется оставить Пермь (1).

Несмотря на то, что Сперанскому назначена была пенсія въ шесть тысячъ рублей (2), но повидимому она получалась неаккуратно, потому что онъ однажды былъ принужденъ продать брегетовскіе часы для своего содержанія (3). Ему оказывали одолженія Лазаревы, а одинъ изъ друзей его молодости, Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (4), посѣтилъ его въ пермскомъ уединеніи и усладилъ его грустное одиночество (5).

Въ Перми Сперанскій возвратился съ любовію къ изученію Священнаго Писанія, прерванному служебными трудами въ Петербургѣ, и жизнь его получила то созерцательное направ-

(1) *Москвит.* 1848, № 8, стр. 41. Письмо къ государю Сперанскаго было передано, кажется, черезъ посредство г-жи Кремеръ.

(2) *Слов. Дост. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.

(3) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 486.

(4) Имя А. А. Столыпина достойно памяти нашей. Онъ былъ другомъ Сперанскаго и зятемъ Н. С. Мордвинова, то-есть близкимъ человѣкомъ къ двумъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелямъ того времени.

(5) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 486.

леніе, къ которому давно была въ немъ склонность (1). Тамъ же кончилъ онъ, начатый еще въ 1805 году, переводъ съ латинскаго подлинника книги Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Іисусу Христу* (2), и присовокупилъ къ нему извлеченіе изъ прочихъ сочиненій этого писателя (3). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ почти ничего не обнародовано изъ его тогдашнихъ писемъ, которыя могли бы послужить выраженіемъ тогдашняго состоянія его души (4).

Въ концѣ 1814 года Сперанскій получилъ разрѣшеніе на свою просьбу и переѣхалъ въ небольшую деревеньку, свое Великополье, въ восьми верстахъ отъ Новгорода (5). Тамъ соединилась съ нимъ его любимая дочь, и полное, свѣтлое счастіе въ мирномъ уголкѣ озарило жизнь этого человѣка, который въ изгнаніи своемъ, по словамъ одного изъ довѣренныхъ его лицъ, «очистилъ въ горнилѣ своей совѣсти побужденія своихъ дѣйствій и вѣрованій отъ всякой нечистой примѣси гордости и суетности, отдалъ себя на судъ Богу и вышелъ перерожденнымъ изъ этого опыта, сохранивши въ душѣ одну любовь къ Богу, отечеству и ближнимъ» (6). Сперанскій занимался въ Великопольѣ чтеніемъ преимущественно Тацита и Отцовъ Церкви, писавшихъ о жизни созерцательной (7), и обученіемъ своей дочери (8). Онъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ о пребываніи въ Великопольѣ, «гдѣ нашелъ тихую пристань послѣ бурнаго плаванія». Исполнивъ долгъ государю и отечеству, по совѣсти и крайнему разумѣнію, онъ наконецъ могъ жить для себя и для своего семейства, быть полнымъ хозяиномъ своего времени, заниматься тѣмъ, что составляло его радость и услажденіе. Все изученное, прочитанное и написанное имъ въ теченіи всей его жизни, онъ, такъ сказать, уложилъ въ порядкѣ въ своей памяти и составилъ выводы. Онъ былъ совершенно счастливъ, въ убѣжденіи, что государь помнитъ о немъ, что истина непремѣнно обнаружится и проникнетъ въ общее мнѣніе, и что оно наконецъ перестанетъ быть ему враждебнымъ. Такъ прошло около двухъ лѣтъ (1).

(1) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 148.

(2) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144. Переводъ этотъ имѣлъ 4 изданія. Послѣднее вышло въ Спб. въ 1845 году.

(3) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 487.

(4) Къ этому порядку писемъ относится письмо къ П. А. Словцову, напечатанное въ *Москвитянинѣ* 1845, № 5, стр. 41. Мы не дѣлаемъ выписокъ, потому что оно должно быть прочитано вполнѣ, а для помѣщенія вполнѣ оно слишкомъ длинно по размѣрамъ нашей статьи.

(5) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 324.

(6) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct.

(7) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 487.

(8) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 325. Оттуда же взяты всѣ другія цитаты словъ Сперанскаго о жизни въ Великопольѣ.

Въ 1816 году, 30 августа, въ день своихъ именинъ, государь вспомнилъ о своемъ прежнемъ сотрудникѣ и подписалъ слѣдующій указъ (2):

«Предъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ, приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ, и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ. Потому, желая преподать имъ способъ усердною службой очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваемъ: тайному совѣтнику Сперанскому быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому воронежскимъ гражданскимъ губернаторомъ».

Итакъ вотъ опять Сперанскій на поприщѣ общественной дѣятельности въ скромной, относительно прежней его карьеры, должности губернаторской, которую хотѣлъ такъ возвысить противникъ его Карамзинъ. Строгій критикъ дѣйствій Сперанскаго, вѣроятно, отдалъ въ этомъ случаѣ ему справедливость и призналъ, что совѣтъ о выборѣ людей на губернаторскія мѣста на этотъ разъ былъ блистательно исполненъ. Сперанскій принялъ съ благодарностію первый знакъ своего оправданія въ глазахъ государя и Россіи, отправился прямо къ мѣ-

(1) Эпохи переѣзда Сперанскаго изъ Нижняго-Новгорода въ Пермь и изъ Перми въ Великополье не опредѣлены съ точностію, и вообще свѣдѣній о его ссылкѣ еще мало обнародывано. Любопытно было бы напримѣръ знать, видался ли Сперанскій, живя въ Великопольѣ, съ Державинымъ, который проводилъ лѣто обыкновенно въ своей Званкѣ, которая также находится по близости Новгорода.

(2) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

сту своего назначенія, сожалѣя однако о своемъ тихомъ убѣжищѣ, Великопольѣ (1).

Пенза не очень благопріятно приняла назначеніе изгнанника своимъ начальникомъ и встрѣтила его холодно и недовѣрчиво. Но вскорѣ предубѣжденія жителей разсѣялись: они невольно привязались къ этому необыкновенному человѣку, котораго издали привыкли воображать какимъ-то извергомъ, и въ которомъ увидѣли вскорѣ образецъ доброты, честности и справедливости, не говоря уже о привлекательности его ума (2).

Положеніе Сперанскаго улучшилось и въ денежномъ отношеніи. При назначеніи его въ Пензу, ему, кромѣ обыкновеннаго губернаторскаго содержанія, положено было продолжать выдачу шести тысячъ рублей, которыя онъ получалъ во время отставки, и вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлена ему на 12 лѣтъ аренда, пожалованная въ 1804 году (3). Дочь Сперанскаго, при отъѣздѣ его въ Пензу, отправилась въ Петербургъ.

Въ Пензѣ Сперанскій, по обыкновенію своему, находилъ время учиться и заниматься не одними служебными дѣлами. Тамъ окончательно пересмотрѣлъ и исправилъ онъ свой переводъ Ѳомы Кемпійскаго, который вскорѣ былъ напечатанъ (4). Кромѣ того онъ сдѣлалъ тамъ и другія, по словамъ его, «новыя завоеванія»: въ три мѣсяца (5) изучилъ онъ съ помощію только Библіи и лексиконовъ нѣмецкій языкъ (6) и выучился по-еврейски подъ руководствомъ ректора пензенской семинаріи Аарона и одного крещенаго еврея, жившаго въ Пензѣ (7).

Сохранились нѣкоторыя свидѣтельства о человѣколюбіи и добродушіи Сперанскаго, которыя наиболѣе привязали къ нему пензенскихъ жителей всѣхъ сословій. Онъ имѣлъ привычку гулять вечеромъ по городу пѣшкомъ. Однажды онъ увидѣлъ въ глухомъ переулкѣ толпу народа, которая окружала бѣдно-одѣтую и плачущую женщину, говорившую полицейскимъ, что не можетъ, по своей бѣдности, починить тротуаръ передъ своимъ домикомъ, какъ они этого требовали. Сперанскій незамѣтно прошелъ черезъ толпу и спросилъ: сколько будетъ

(1) *Воспом. Ѳ. Булгарина* Ч. V, стр. 327.
(2) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct., page 825.
(3) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.
(4) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(5) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 149.
(6) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(7) Тамъ же.

стоить починка? Ему отвѣчали, что около двадцати рублей. Тогда онъ вынулъ пятидесяти-рублевую бумажку, отдалъ ее бѣдной женщинѣ и удалился (1). Въ другой разъ Сперанскій шелъ мимо палисада архіерейскаго дома и увидѣлъ, что какой-то архіерейскій пѣвчій, лежавшій въ этомъ палисадѣ, замѣтя проходящаго Сперанскаго, вскочилъ, побѣжалъ и спрятался въ высокой травѣ. Сперанскій подошелъ къ своему дому, бывшему рядомъ съ архіерейскимъ, и приказалъ жандарму сейчасъ привести къ нему этого мальчика, подозрѣвая, что онъ вѣрно дѣлалъ что-нибудь нехорошее, между тѣмъ какъ тотъ, лежа въ палисадникѣ, училъ урокъ. Мальчика привели съ книгой и тетрадями, испуганнаго и блѣднаго. Сперанскій пересмотрѣлъ его тетради и сдѣлалъ ему нѣсколько грамматическихъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ хорошо. Тогда Сперанскій сказалъ ему: «Ты хорошо поешь, хорошо и учишься. Но голосъ твой скоро спадетъ, а наука тебѣ пригодится всегда и вездѣ. Не переставай же учиться до окончанія курса. Вотъ тебѣ золотой на твои потребности, а когда будешь нуждаться, приходи ко мнѣ.» Сперанскій поручилъ этого пѣвчаго особому попеченію инспектора семинаріи В. Ѳ. Алядвина. Мальчикъ учился отлично, кончилъ курсъ студентомъ и съ пользой служилъ по гражданской части (2).

Религіозное настроеніе Сперанскаго доказываютъ слѣдующія письма его къ дочери. Вотъ что̀ писалъ онъ ей изъ Пензы 21 ноября 1816 года (3):

«Бываешь ли ты у обѣдни? Не пропускай сей доброй привычки. Есть въ самой атмосферѣ церкви нѣчто благоговѣйное, собирающее разсѣянныя мысли, нѣчто таинственное. Сіе и быть иначе не можетъ. Здѣсь курится непрестанно ѳиміамъ молитвъ отъ множества душъ чистыхъ, намъ неизвѣстныхъ, и освящаетъ собою святое мѣсто и въ немъ предстоящихъ».

Другое письмо помѣчено 25-мъ числомъ декабря того же года (4).

«Пишу къ тебѣ въ самый день свѣтлаго праздника Рождества Спасителя нашего. Въ сей самый день, тому 1816 лѣтъ назадъ, совершилось въ Палестинѣ великое чудо: Вѣчная Лю-

(1) *Москвит.* 1850, № 15, стр. 85.
(2) Тамъ же.
(3) *Москвит.* 1847, № 1, стр. 141.
(4) Тамъ же.

бовь, Сынъ Божій, явился на земли видимымъ образомъ. Съ того времени доселѣ чудо сіе въ милліонахъ людей, безъ различія пола, возраста и состояній, повторяется до конца вѣковъ. Та же самая любовь, тотъ же самый свѣтъ, освѣщающій каждаго человѣка, грядущаго въ міръ, таинственнымъ образомъ раждается въ каждой душѣ вѣрующей. Счастливъ, кто ощутилъ сіе рожденіе, кто нашелъ въ себѣ благословенную Дѣву Марію, отъ коей единой Христосъ Спаситель можетъ родиться. Ищи сей благословенной Дѣвы; ищи ее въ непрерывной молитвѣ, въ непрестанномъ держаніи въ умѣ и мысляхъ таинственныхъ словъ: Господи помилуй! и будь увѣрена, что сіе самое чудо и въ тебѣ совершится. Ты уже имѣешь въ себѣ лучъ сего свѣта; каждая добрая мысль есть причина раждающагося въ насъ Христа; каждое движеніе, каждый вздохъ къ небесному нашему Отцу, есть предчувствіе тайнаго присутствія Его Сына. Еслибы сей день я и вмѣстѣ съ тобой проводилъ, я не въ силахъ бы былъ ни сказать, ни пожелать тебѣ ничего лучшаго.»

Въ бытность свою пензенскимъ губернаторомъ, Сперанскій получилъ одну награду: 23 января 1818 года, «въ воздаяніе отличныхъ трудовъ» ему пожаловано было пять тысячъ десятинъ земли (1) въ Саратовской губерніи (2).

Сперанскій пробылъ въ Пензѣ около двухъ съ половиной лѣтъ, и оставилъ по себѣ самую лучшую память, такъ что время его управленія было тамъ названо «золотымъ вѣкомъ» (3).

Въ это время вниманіе правительства было обращено на Сибирскій край, гдѣ нужно было изслѣдовать злоупотребленія въ управленіи ея и составить планъ его преобразованія для предупрежденія безпорядковъ, которымъ столько способствуетъ отдаленность этой области. Эти важныя порученія возложены были на Сперанскаго (4), котораго необыкновенныя способности, какъ организатора, были такъ хорошо извѣстны государю. 22 марта 1819 года онъ назначенъ былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ (5). Такимъ образомъ дарованія его были употреблены съ пользой, а между тѣмъ враги его могли быть спокойны на счетъ долговременнаго удаленія его отъ двора (1).

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(2) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 288.
(3) *Восп. Ѳ. Булгарина* Ч. V, стр. 328.
(4) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(5) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 288.

Прощаніе Сперанскаго съ Пензой было торжественно и трогательно. Жители радовались возвышенію любимаго начальника своей губерніи, которое служило доказательствомъ возвращенія къ нему довѣрія государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сожалѣли о разлукѣ съ нимъ. 29 апрѣля данъ былъ въ честь Сперанскаго балъ въ залѣ благороднаго собранія. 7 мая всѣ жители собрались у перевоза черезъ Суру, гдѣ долженъ былъ переправляться ихъ бывшій губернаторъ. Толпы народа окружали то мѣсто, гдѣ былъ приготовленъ прощальный завтракъ. На прощаньи губернскій предводитель произнесъ Сперанскому рѣчь, въ которой «отъ лица всей губерніи изъявилъ ему благодарность за кроткое и правосудное управленіе». Присутствовавшіе плакали, и Сперанскій не могъ не заплакать самъ отъ такого трогательнаго изъявленія чувствъ (2). Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, котораго злоба и зависть ославили извергомъ.

Двухлѣтнее пребываніе Сперанскаго въ Сибири было для него тяжелымъ искусомъ, но принесло необыкновенную пользу этому краю, и наконецъ доставило Сперанскому возможность возвратиться изъ ссылки, сперва явной, а потомъ почетной.

Вся Сибирь составляла въ то время одно обширное управленіе (3). Иркутскимъ губернаторомъ былъ тогда извѣстный Трескинъ (4). Злоупотребленія всякаго рода давно уже укоренились на всемъ необъятномъ пространствѣ Сибирскаго края. Сперанскому пришлось бороться съ явнымъ противодѣйствіемъ мѣстныхъ властей, составившихъ общій союзъ, чтобы мѣшать исполненію благихъ намѣреній новаго начальника. Онъ писалъ изъ Тобольска своей дочери: «За меня народъ и ссыльные; все остальное поклялось погубить меня.» (5) Къ Аракчееву онъ писалъ: «Что я сдѣлалъ, чтобы получить такое порученіе, не имѣя ни силы, ни полномочій, чтобъ его исполнить?» (6) Однако твердость духа и сила воли не оставляли его, и онъ успѣлъ побѣдить препятствія, нарочно ему воздвигнутыя. Въ

(1) *Слов. Достоп. людей*, III, стр. 288.
(2) *Моск. Вѣд.* 1819, № 43.
(3) Сперанскій смѣнилъ генералъ-губернатора, тайнаго совѣтника Ивана Борисовича Пестеля. (*Восп. Ѳ. Бул.* Ч. V, стр. 328.)
(4) *Спб. Вѣд.* 1848. № 144.
(5) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct. page 826
(6) Тамъ же.

октябрѣ Трескинъ былъ удаленъ отъ должности вслѣдствіе рескрипта отъ 19 сентября, въ которомъ Сперанскій былъ уполномоченъ, «впредь до окончательнаго усмотрѣнія, устранить Трескина на время отъ управленія губерніей, если, по производству дѣлъ и по обозрѣнію края, сіе найдено будетъ нужнымъ». (1) Другіе изъ значительныхъ чиновниковъ побоялись такого примѣра, а многіе невольно подчинились обаянію превосходства Сперанскаго, и сдѣлались полезными его сотрудниками въ дѣлѣ преобразованія Сибири (2). Ни жестокій климатъ, ни огромныя разстоянія, ни недостатки путей сообщенія не останавливали поѣздокъ Сперанскаго по всей Сибири для личнаго знакомства съ мѣстностями, ревизіи дѣлъ и облегченія участи несчастныхъ (3). Новые порядки, имъ заведенные, быстро успѣвали, по свидѣтельству Эрмана, Кастрена и другихъ путешественниковъ (4). Вся Сибирь узнала и полюбила Сперанскаго, и во всѣхъ концахъ ея сохранилась память о его кротости, справедливости, человѣколюбіи. Сибярики ходили къ Сперанскому какъ къ отцу, когда въ послѣдствіи пріѣзжали въ Петербургъ (5). Люди простаго званія благословляли его, ссыльные также, а уваженіе онъ успѣлъ пріобрѣсти даже отъ своихъ недоброжелателей.

Мы очень сожалѣемъ, что предѣлы нашего очерка не позволяютъ намъ привести здѣсь шести писемъ Сперанскаго къ его дочери, писанныхъ въ 1819 году изъ Тобольска, Томска и Иркутска. Они уже были напечатаны (6), и перепечатывать ихъ было бы совершенно неудобно. Но мы во всякомъ случаѣ приглашаемъ тѣхъ, которые незнакомы съ этими письмами, прочитать ихъ. Они найдутъ въ нихъ и выраженіе ясности души Сперанскаго, несмотря на тревоги, возбужденныя, въ его положеніи, возложеннымъ на него трудомъ, и краткія, но любопытныя свѣдѣнія о сибирскихъ нравахъ. Сперанскій смотритъ на Сибирь безъ увлеченій и пишетъ: «Сибирь есть просто Сибирь, то-есть: прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минералогіи; но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ.» (1) Онъ описываетъ нѣкоторые успѣхи гражданственности и просвѣщенія: балы въ Томскѣ и Иркутскѣ, учрежденіе благотворительнаго общества и ланкастерской школы въ Иркутскѣ и пр. Между прочимъ онъ обѣщаетъ издать таблицу, которая «удивитъ просвѣщенную Европу» и докажетъ, что въ Россіи одинъ преступникъ на 20 т. жителей (2). Замѣчательны также многія мысли Сперанскаго о разныхъ предметахъ, напримѣръ порицаніе мысли переводить Св. Писаніе на русскій языкъ и мнѣніе его о языкѣ славянскомъ (3).

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(2) *Revue des deux Mondes.*
(3) *Восп. Ѳ. Булг.* Ч. V, стр. 329.
(4) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct. page 827.
(5) *Восп. Ѳ. Булг.* Ч. V, стр. 329.
(6) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 151. Еще одно письмо къ Словцову, см. *Москвит.* 1844, № 3, стр. 140.

Близкое знакомство съ Сибирью дало возможность Сперанскому не только исправить мѣстные безпорядки тамошней администраціи, но и составить планъ *Учрежденія Сибирскихъ губерній* съ слѣдующими къ нему уставами и положеніями. Порученіе, ему данное, было кончено, и, совершивши такой подвигъ, онъ считалъ себя въ правѣ просить позволенія пріѣхать въ Петербургъ. Встрѣтивши не мало препятствій къ тому, Сперанскій однако нашелъ заступника въ князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ, который представилъ государю одно изъ его частныхъ писемъ, гдѣ онъ жаловался на болѣзнь, разлуку съ дочерью, и скорбѣлъ отъ безнадежности лично оправдаться въ мнѣніи государя (4). Время тяжелыхъ испытаній для Сперанскаго прошло; ему было позволено пріѣхать въ Петербургъ, и въ началѣ 1821 года онъ выѣхалъ изъ Сибири съ твердою надеждой уже не возвращаться въ отдаленныя губерніи (5).

VII.

Девять лѣтъ не видѣлъ Сперанскій государя. Они разстались, когда Россіи грозили опасности отъ нашествія всей Европы. Теперь обстоятельства перемѣнились, Европа намъ

(1) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 152.
(2) Тамъ же, стр. 156.
(3) Тамъ же, стр. 158.
(4) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 487.
(5) *Слов. Достоп. людей*, 1847 года, ч. III, стр. 288.

была обязана освобожденіемъ отъ насилія Наполеона, и Сперанскій долженъ былъ явиться передъ лицомъ своего государя, когда она называла его своимъ миротворцемъ.

Сперанскій самъ разказывалъ нѣкоторыя подробности о первомъ свиданіи своемъ съ Александромъ послѣ многолѣтней разлуки. Государь встрѣтилъ его милостиво и съ чувствомъ. Сперанскій хотѣлъ благодарить его, но взглянувъ на него, залился слезами и не могъ сказать ни слова. Государь обнялъ его и сказалъ: «Забудемъ прошлое». — Нѣтъ, государь, отвѣчалъ онъ сквозь слезы,—я помнилъ всегда и никогда не забуду вашихъ милостей и вашей благости. Вы человѣкъ, слѣдовательно могли ошибиться (1).

Говорятъ, что Сперанскому было тогда предложено управленіе какимъ-то министерствомъ, но что онъ отъ него отказался (2). Государь назначилъ его членомъ государственнаго совѣта по департаменту законовъ (3).

Вскорѣ, по представленію Сперанскаго, учрежденъ былъ сибирскій комитетъ, котораго онъ назначенъ былъ членомъ (4). Почти въ то же время возобновлены были работы по изготовленію третьей части гражданскаго уложенія (правъ по обязательствамъ и договорамъ) въ Коммиссіи составленія законовъ. Рескриптомъ отъ 3 ноября 1821 года Сперанскій былъ «поставленъ въ сношеніе съ коммиссіею», для полученія всѣхъ свѣдѣній и пособій по разсмотрѣнію проектовъ уложеній (5). Самое управленіе этою коммиссіей три раза (въ 1822, 1823 и 1824 годахъ) было временно поручаемо Сперанскому, во время отлучекъ князя П. В. Лопухина (6). По возвращеніи въ Петербургъ, Сперанскому пожаловано было 3486 десятинъ земли въ Пензенской губерніи (7), и дочь его сдѣлана фрейлиной (8).

Въ 1822 году іюня 22 обнародыванъ былъ трудъ Сперанскаго, совершенный имъ въ Сибири: *Учрежденіе для управленія сибирскихъ губерній*, при которомъ приложены 6 уставовъ: 1) объ управленіи инородцевъ, 2) объ управленіи Киргизъ-Кайсаковъ, 3) о ссыльныхъ, 4) объ этапахъ, 5) о сухопутныхъ сообщеніяхъ, 6) о городовыхъ казакахъ, и три положенія: 1) о земскихъ повинностяхъ, 2) о хлѣбныхъ запасахъ и 3) о долговыхъ обязательствахъ между крестьянами и инородцами (1).

Вслѣдствіе этого учрежденія, Сибирь раздѣлена на Западную и Восточную, составляющія два отдѣльныя управленія. Раздѣленіе это существуетъ и донынѣ (2).

Въ 1823 году Сперанскій былъ сдѣланъ членомъ двухъ комитетовъ: для управленія военныхъ поселеній и для составленія учрежденія Войску Донскому (3).

Главныя занятія Сперанскаго въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I были по дѣламъ государственнаго совѣта, то-есть преимущественно по дѣламъ, такъ сказать, текущимъ (1), если можно такъ выразиться о занятіяхъ департамента законовъ. Вообще вліяніе его на государственныя дѣла уже не возобновлялось, и онъ никогда не могъ возвратить прежняго неограниченнаго довѣрія къ себѣ государя, при перемѣнившейся тогда системѣ въ управленіи (2). Онъ не получилъ даже никакихъ знаковъ отличія, и въ концѣ 1825 года мы находимъ его младшимъ изъ членовъ государственнаго совѣта (4).

12 декабря 1825 года, по полученіи изъ Варшавы отъ цесаревича окончательнаго отреченія отъ престола, великій князь Николай Павловичъ наконецъ рѣшился принять императорскую корону. Онъ продиктовалъ своему адъютанту В. Ѳ. Адлербергу главныя статьи для манифеста о восшествіи сво-

(1) *Восп. Ѳ. Булг.* ч. V, стр. 330.
(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 487.
(3) *Слов. Дост. людей*, 1847, ч. III, стр. 288.
(4) Тамъ же.
(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(6) Тамъ же.
(7) *Слов. Дост. людей.* 1847, ч. III, стр. 288.
(8) Она вскорѣ вышла замужъ за А. А. Фролова-Багрѣева. Г-жа Багрѣева была писательница. Она между прочимъ написала книгу: *Les pélerins Russes à Jérusalem.* 2 vol. Bruxelles, 1855.

(1) *Полн. Собр. Зак.* т. XXXVIII, № № 29.124—29.134.
(2) Первыми генералъ-губернаторами при новомъ раздѣленіи Сибири были: въ Восточной—тайный совѣтникъ Лавинскій, въ Западной—генералъ-лейтенантъ Капцевичъ. По представленію послѣдняго произошли многія измѣненія въ уставахъ о ссыльныхъ, о путяхъ сообщенія и Киргизахъ. (См. *Слов. Дост. людей*, 1847, ч. II, стр. 97 и 100.)
(3) *Слов. Дост. людей*, 1847, ч. III, стр. 289.
(4) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 149.
(5) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct., page 828.
(6) *Восш. на пр. импер. Николая* I, изд. I, стр. 115. Имя Сперанскаго подписано послѣднимъ подъ журналомъ совѣта 13 декабря 1825 года.

емъ на престолъ. Для совѣщанія объ окончательной формѣ, о введеніи и заключеніи манифеста былъ призванъ Карамзинъ, который, возвратившись домой, набросалъ на бумагу свои мысли и вскорѣ принесъ свою рукопись къ новому государю. Но ему суждено было еще разъ столкнуться на пути своемъ съ прежнимъ противникомъ, и это было уже въ послѣдній разъ. Онъ нашелъ у государя Милорадовича и князя А. Н. Голицына, которые предлагали поручить сочиненіе проекта манифеста Сперанскому. Карамзину однако было предложено представить и свой проектъ, но онъ при такихъ обстоятельствахъ отклонилъ это соперничество, полагая, что такое дѣло должно быть предоставлено одному, и редакція манифеста поручена была Сперанскому (1).

Сперанскій находился въ числѣ 68 членовъ верховнаго уголовнаго суда, составленнаго 1 іюня 1826 года для сужденія лицъ, которыя участвовали въ событіяхъ, ознаменовавшихъ печальный день 14 декабря 1825 года (2). Ему приписываютъ редакцію всеподданнѣйшаго доклада этого суда, вслѣдствіе котораго присуждено 121 лицо къ разнымъ наказаніямъ, указомъ 10 іюля 1826 года (3).

Въ 1826 году, 31 января послѣдовалъ замѣчательный указъ объ уничтоженіи коммиссіи составленія законовъ и учрежденіи втораго отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи для успѣшнаго въ немъ совершенія трудовъ по составленію уложенія отечественныхъ законовъ, которые государь принялъ «въ непосредственное свое вѣдѣніе» (4). При этомъ главное распоряженіе работъ и доклады по нимъ были поручены Сперанскому (5).

Въ этомъ же году Сперанскій былъ назначенъ членомъ комитета объ устройствѣ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній и получилъ владимірскую ленту (6). Въ 1827 году, подъ предсѣдательствомъ его учрежденъ былъ комитетъ о составленіи уставовъ вексельнаго и торговой несостоятельности, также учрежденія коммерческихъ судовъ, а ревностная служба его награждена алмазными знаками ордена Св. Александра Нев-

(1) *Восш. на престолъ имп. Николая I*, изд. 1-е, стр. 95, 105 и 106.
(2) *Полн. Собр. Зак.*, т. I, № 381.
(3) См. печатные акты того времени.
(4) *Полное Собр. Зак.*, т. 1, № 114.
(5) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III. стр. 289.
(6) Тамъ же, стр. 290.

скаго и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (1). Въ 1828 году Сперанскій сдѣланъ предсѣдателемъ думы о знакѣ отличія безпорочной службы, и ему пожалованы: табакерка съ портретомъ государя, осыпанная бриліянтами, и аренда въ пять тысячъ рублей серебромъ (2). Въ 1829 году онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета о составленіи рекрутскаго устава (3).

Но главнымъ трудомъ Сперанскаго съ 1826 по 1830 годы было управленіе вторымъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи, гдѣ готовились матеріялы для *Свода Законовъ* и составлялся важнѣйшій сборникъ для изученія нашего прошедшаго, *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*, въ которое вошли въ хронологическомъ порядкѣ всѣ законоположенія отъ *Уложенія царя Алексѣя Михайловича* до настоящаго времени. Тутъ, подъ руководствомъ Сперанскаго, трудились: М. А. Балугьянскій, баронъ М. А. Корфъ, Д. Н. Замятнинъ, К. И. Арсеньевъ, гг. Куницынъ, Плисовъ, Клоковъ и другія лица, получившія извѣстность по службѣ и ученымъ занятіямъ (4). Подробное и ясное изложеніе этихъ трудовъ находится въ небольшой, изданной Сперанскимъ, книгѣ *Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ* (5). Счастливый выборъ Сперанскаго болѣе всего содѣйствовалъ успѣху этого громаднаго труда, исполнявшагося съ необыкновенною энергіей, безъ которой и блестящія дарованія не достигаютъ своей цѣли. Менѣе чѣмъ въ четыре года были собраны изъ всевозможныхъ вѣдомствъ и архивовъ реэстры и узаконенія разнаго рода, сличены и повѣрены тексты и напечатаны въ числѣ 30.920 нумеровъ, въ 45 томахъ, in-4° (6), съ приложеніемъ штатовъ, табелей, рисунковъ и указателей хронологическихъ и алфавитныхъ, дѣлающихъ это драгоцѣнное собраніе одною изъ удобнѣйшихъ для употребленія книгъ. Изданіе *Полнаго Собранія Законовъ* напечатано было въ нарочно-заведенной при отдѣленіи въ 1827 году превосходной

(1) *Слов. Достоп. люд.* III, стр. 290.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же.
(4) См. *современные адресъ-календари.*
(5) Спб. 1833, in-8°, стр. 200 и VII.
(6) Это было первое собраніе, въ которомъ заключаются законоположенія съ 3 октября 1649 по 12 декабря 1825. Второе собраніе съ 1825 года продолжается и понынѣ ежегодно выходящими томами.

типографіи (1) и разослано по присутственнымъ мѣстамъ, вслѣдствіе указа отъ 5 апрѣля 1830 года (2). Въ 1830 году, въ награду за исполненіе такого важнаго дѣла, аренда, полученная Сперанскимъ въ 1828 году, удвоена (3).

Параллельно съ этимъ трудомъ, второе отдѣленіе собственной канцеляріи совершало, подъ руководствомъ Сперанскаго, и другой, который останется всегда самымъ прочнымъ памятникомъ нашей исторіи во второй четверти XIX вѣка. Это было составленіе *Свода Законовъ Россійской Имперіи*, которое, какъ трудъ, заключающій въ себѣ всѣ существующія законоположенія, расположенныя систематически, представлялъ еще болѣе затрудненій, чѣмъ *Полное Собраніе Законовъ*. *Общему Своду* предшествовало составленіе частныхъ историческихъ сводовъ по разнымъ, напередъ принятымъ, отдѣламъ законодательства, и ревизія и исправленіе всѣхъ статей сводовъ по каждому отдѣлу въ особыхъ комитетахъ (4). Такимъ образомъ конченъ былъ и въ началѣ 1833 года изданъ *Сводъ Законовъ* въ 15 томахъ in-8° 20 января, въ засѣданіи государственнаго совѣта, государь снялъ съ себя андреевскую звѣзду и надѣлъ ее на грудь совершителя этого великаго труда; тогда же по статуту получилъ Сперанскій ленту Бѣлаго Орла (5). Черезъ нѣсколько дней, 31 января, обнародованъ былъ манифестъ объ изданіи *Свода Законовъ* и о введеніи его въ законную силу съ 1 января 1835 года (6).

Сперанскій остался докладчикомъ по второму отдѣленію собственной канцеляріи, которая продолжала, до самой его смерти, заниматься редакціей новыхъ законовъ и изданіемъ продолженій къ *Своду* и *Полному Собранію Законовъ* (7). Но на него возлагались и другія важныя порученія. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ членомъ комитета объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ народнаго продовольствія (8); въ 1835 ему повелѣно

(1) *Обозр. Ист. Свѣд. о Св. Зак.*, стр. 148.
(2) *П. С. З.*, т. V, № 3.588.
(3) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 290.
(4) Тамъ же, стр. 158 и 169.
(5) *Слов. Достоп. людей* 1847, ч. III, стр. 290.
(6) *Полное Собр. Зак.*, т. VIII, № 5.947.
(7) Извѣстно, что каждый годъ выходятъ и понынѣ систематическія прибавленія къ *Своду Законовъ*, который отъ времени до времени является новыми, пополнеными изданіями. Всѣхъ было три: въ 1832, 1842 и 1857 годахъ. По смерти Сперанскаго управленіе II Отдѣленіемъ было поручено Д. Н. Блудову (нынѣ графу).

было присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, кромѣ департамента законовъ, и въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго (1), и быть членомъ комитета для изысканія средствъ къ уменьшенію расходовъ по министерству финансовъ (2), а въ 1836 году, подъ его предсѣдательствомъ, былъ составленъ комитетъ объ устройствѣ столичной полиціи (3).

Около этогоже времени Сперанскому было поручено преподаваніе высшаго законовѣдѣнія наслѣднику престола, нынѣ царствующему Государю Императору (4). Никто не имѣлъ правъ на такую честь болѣе того, кто успѣлъ совершить великій трудъ, который въ теченіи 125 лѣтъ былъ тщетно предпринимаемъ въ Россіи (5).

Такъ протекли послѣдніе годы жизни Сперанскаго, посвященные пользѣ отечества (6).

Въ 1837 году Сперанскій получилъ алмазные знаки ордена Св. Андрея (7), а въ 1838 году сдѣланъ предсѣдателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ (8) на мѣсто князя И. В. Васильчикова, назначеннаго предсѣдателемъ совѣта послѣ умершаго графа Н. Н. Новосильцова (9). Въ томъ же году началъ онъ составлять *Руководство къ познанію законовъ*. Къ сожалѣнію, трудъ этотъ, имѣвшій цѣлію доставить учащемуся юношеству способъ къ изученію отечественнаго законодательства и предпринятый по порученію государя,

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 290.
(2) Тамъ же, стр. 291.
(3) Тамъ же.
(4) Тамъ же.
(5) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 488.
(6) Пишущій эти строки неоднократно видѣлъ Сперанскаго, особенно въ 1835 и 1836 годахъ, когда учился въ Царскосельскомъ лицеѣ вмѣстѣ съ единственнымъ внукомъ его М. А. Фроловымъ-Багрѣевымъ. Кто хоть разъ видѣлъ Сперанскаго, тотъ никогда не забудетъ его прекрасной, величавой наружности. Осанка, ростъ, прекрасное, открытое чело, украшенное серебряными сѣдинами, свѣтлый взглядъ, выраженіе глубокомыслія, доброты и ясности душевной, въ чертахъ его лица, поражали невольно при первой съ нимъ встрѣчѣ, а ласковость рѣчей и обращеніе превосходятъ всякое описаніе. Недавно изданный въ портретной галлереѣ г. Мюнстера портретъ Сперанскаго довольно похожъ. Но намъ кажется, что небольшой портретъ его, изданный въ 1845 году, вѣрнѣе даетъ понятіе о выраженіи привлекательнаго лица Сперанскаго.
(7) *Слов. Достопамятныхъ людей*, 1847, ч. III, стр. 291.
(8) Тамъ же.
(9) См. современные *адресъ-календари*.

остался не конченнымъ, за смертію автора (1). Онъ былъ напечатанъ въ 1845 году (2). Всѣ органы тогдашней критики воздали должную хвалу глубинѣ и ясности воззрѣній и мастерскому изложенію этого сочиненія.

1 января 1839 года Сперанскому исполнилось шестьдесятъ семь лѣтъ, и въ этотъ день воздана была послѣдняя почесть его безсмертнымъ трудамъ: за совершеніе *Свода Военныхъ Постановленій* онъ былъ пожалованъ графомъ Россійской Имперіи (3). Онъ страдалъ уже тогда тою болѣзнію, которая скоро должна была свести его въ могилу. Друзья и почитатели Сперанскаго, дорожившіе сохраненіемъ его имени, желали, чтобъ онъ просилъ государя о передачѣ внуку своего титула и фамиліи, которые съ нимъ должны были угаснуть. Но Сперанскій, какъ говорятъ, не хотѣлъ утруждать государя такою просьбой.

Между тѣмъ болѣзнь Сперанскаго усиливалась, и доктора теряли всякую надежду спасти его. 11 февраля 1839 года смерть похитила у Россіи одного изъ славнѣйшихъ ея сыновъ (4), шестидесяти семи лѣтъ 1 мѣсяца и 11 дней отъ роду.

Смерть Сперанскаго была общественною, невознаградимою потерей, и вѣсть о ней опечалила въ одно мгновеніе весь Петербургъ. Толпы народа приходили проститься съ тѣломъ великаго человѣка; купцы заперли лавки въ гостиномъ дворѣ. Такъ успѣлъ заслугами своими расположить къ себѣ великій человѣкъ то общественное мнѣніе, которое когда-то, въ ослѣпленіи страстей своихъ, осыпало его укоризнами и проклятіями.

Похороны Сперанскаго были великолѣпны. Государь провожалъ бренные останки того, кто болѣе всѣхъ его сотрудниковъ прославилъ его царствованіе. Несмѣтныя толпы людей всѣхъ состояній шли за пышнымъ катафалкомъ, ввезеннымъ въ

---

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 292.

(2) Спб. 1845, in-12° стр. 170, съ портретомъ автора.

(3) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 291. Девизъ его графскаго герба былъ: *Sperat in adversis* (надѣется въ несчастіи).

(4) Тамъ же. Сперанскій умеръ въ домѣ своемъ на Сергіевской, недалеко отъ угла Моховой, принадлежавшемъ потомъ Э. Д. Нарышкину. Мы жили тогда почти рядомъ съ этимъ домомъ и помнимъ очень хорошо печальную процессію его похоронъ.

тѣ же ворота Александро-Невской лавры, въ которыя, за полвѣка, Сперанскій входилъ нерѣшительно скромнымъ семинаристомъ, жаждущимъ знаній и богатымъ однѣми надеждами.

Тамъ, на Новомъ кладбищѣ находится могила славнаго государственнаго мужа, окруженная послѣдними жилищами другихъ, дорогихъ потомству людей, которые всѣ служили съ честію русской землѣ, русскому слову, русской мысли, любили горячо и прославили свое отечество. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, одна отъ другой, надгробныя надписи укажутъ вамъ мѣста вѣчнаго покоя Ломоносова, Жуковскаго, Гнѣдича, Сперанскаго, Карамзина. Смерть сблизила гробы двухъ послѣднихъ и въ вѣчности примирила противниковъ, равно достойныхъ признательной и благоговѣйной памяти потомства.

Начиная нашъ очеркъ, мы сказали, что время подробной оцѣнки заслугъ Сперанскаго еще не наступило. Но если насъ спросятъ, какое именно значеніе прежде всего представляетъ общая физіономія этого величественнаго лица, мы отвѣтимъ на это тѣмъ же, что̀ вынесетъ изъ статьи нашей самъ читатель, если только намъ удалось хоть нѣсколько выразить въ ней то, что̀ намъ кажется.

Вполнѣ сознавая существованіе исторической преемственности всѣхъ жизненныхъ явленій, нельзя не признать, что есть эпохи, когда въ ходѣ ихъ представляются необходимые, спасительные, но крутые повороты. Для новаго времени нужны и люди новые, даже опережающіе свой вѣкъ, люди иного закала, кладущіе основаніе новаго порядка вещей, совершенію котораго они служатъ провозвѣстниками. Къ числу такихъ немногихъ избранныхъ людей въ сферѣ государственной принадлежитъ у насъ Сперанскій. Онъ современникъ той эпохи, когда наше государственное зданіе во многихъ отношеніяхъ обветшало, и когда слѣдовало быстро удовлетворять новымъ, со всѣхъ сторонъ возникавшимъ потребностямъ времени. Выразителемъ ихъ явился Сперанскій; своимъ геніемъ онъ могъ обнять всю со-

вокупность ихъ и указалъ на мѣры, не терпѣвшія отлагательства и давшія Россіи возможность выдержать тяжкій 1812 годъ. Сильный дарованіями и убѣжденіями, онъ первый проговорилъ у насъ сознательно слово истинной законности, поддерживалъ и развивалъ свою завѣтную мысль, пострадалъ за ревностное служеніе ей и совершилъ свое предназначеніе въ размѣрахъ, возможныхъ для его времени. Онъ первый изъ *насъ*, людей новаго поколѣнія; онъ проложилъ дорогу лучшимъ дѣятелямъ нашего поколѣнія, которыхъ онъ законный родоначальникъ. Вотъ его лучшее право на нашу признательность, вотъ его главное, высокое значеніе. Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли мы на него, когда писали нашъ очеркъ, слабую дань памяти великаго человѣка.

Михаилъ Лонгиновъ.